

ТЕНІ САМАЙНА

18+

Ольга Гросс

Ольга Гросс
Тени Самайна

«Автор»

2026

Гросс О.

Тени Самайна / О. Гросс — «Автор», 2026

Никс выросла в клетке материнского страха. Аластор — в клетке отцовского долга. Их судьбы связали ещё до рождения — две амбициозные ведьмы, не спросившие собственных детей. Теперь он хочет мести, она — свободы. Но чтобы выжить в мире, где чужие амбиции ломают судьбы, им придётся сделать то, чего не умели их родители: выбрать любовь. Даже если для этого придётся сгореть дотла и восстать из пепла

© Гросс О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 POV Никс	5
Глава 2 POV Аластор	10
Глава 3 POV Никс	12
Глава 4	17
Глава 5	26
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8 POV Аластор	50
Глава 9 POV Никс	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Тени Самайна

Глава 1 POV Никс

— Мама, прекрати! Это просто поход. Я взрослая девушка, я...

— Никс, я прошу тебя, останься дома со мной.

Её голос сорвался на полуслове. Не на крик. На тот особенный, звенящий шепот, который страшнее любого крика, потому что в нём звучит не гнев, а бездна отчаяния. Я стояла спиной к ней, у входной двери, и чувствовала этот голос кожей. Он прилипал. Обволакивал. Тянул назад. Я обернулась. Она стояла в дверном проеме кухни. Утренний свет лился из окна за её спиной и делал её силуэт почти прозрачным, невесомым. Как будто она сама была не совсем настоящей. Как будто могла растаять, если приглядеться. В пальцах она сжимала кухонное полотенце. Обычную льняную тряпку в бледно-голубую клетку. Но сжимала так, будто это была единственная нить, удерживающая меня на краю пропасти. Костяшки побелели. Кожа натянулась так тонко, что, казалось, ещё немного — и она порвется. В воздухе витал запах ванили и корицы. Мама пекла утром булочки. Пыталась отвлечься. Создать иллюзию уюта, в котором всё хорошо, и никто никуда не уходит. Теперь этот сладкий аромат казался горькой насмешкой над тишиной, готовой взорваться. Я замерла. Всего на мгновение. Но этого хватило, чтобы почувствовать спиной её взгляд — тяжёлый, липкий, сотканный из многолетнего страха. Страх, который я не понимала и который душил меня с детства.

Я — схватила походную сумку, стоящую у стены. Ткань была шершавой, пахла пылью и старыми воспоминаниями о прошлых вылазках — тех, из которых я всегда возвращалась. Живая. Невредимая. Вопреки всем её страхам. Перебросила ляжку через плечо. Шагнула к входной двери. Решительно. Не оглядываясь. Потому что знала: стоит обернуться ещё раз — и я увязну в этом болоте тревоги снова. Как увязала сотни раз до этого.

— Роб, я прошу тебя, останьтесь дома.

Мама перевела взгляд на него. Я резко обернулась. Замерла на полушаге, у двери, и уставилась на Роба — умоляюще, всем своим видом говоря: «Ну пойдём уже». И я увидела его. Он был высоким и казался в этом узком коридоре старого дома почти великаном. Широкие плечи обтягивала простая белая футболка. В каштановых волосах, взъерошенных после душа, запуталось утреннее солнце, превращая их в мягкую медь. Он посмотрел на маму своими карими глазами. Добрыми. Теплыми. Как кофе в любимой кружке. И в эту секунду — совершенно растерянными.

— Хела...

Он не знал, куда деть руки. Я видела, как он хотел коснуться её плеча, успокоить, но передумал. Испугался, что прикосновение разобьёт её, как тонкий фарфор.

— Я обещаю вам, что всё будет хорошо. Это проверенная маршрутная тропа, часть большого тихоокеанского пути. Там много туристов, есть посты рейнджеров. Мы регистрируемся на маршруте. Это безопасно.

Он говорил мягко. Растягивал гласные. Так говорят с испуганным ребёнком или раненой птицей. Хотя перед ним стояла взрослая женщина. Мама не ответила. Я знала, что она смотрит мимо него — туда, где я только что стояла. Где, наверное, ещё витал в воздухе шлейф моих духов — лёгких, цветочных, купленных в прошлом месяце в торговом центре.

— Роб, идём!

Мой голос разрезал тишину коридора, словно лезвие ножа. Я уже стояла на пороге, придерживая тяжёлую деревянную дверь носком кроссовка. Солнечный свет с улицы заливал меня. Я чувствовала нетерпение. И что-то ещё. Что-то похожее на вину. Я прятала её за напускной дерзостью, но она всё равно скреблась где-то под ложечкой.

— Мама, пожалуйста, не плачь. Не драматизируй. Всё будет хорошо.

Она не плакала. Она просто смотрела. Всмотривалась в меня так, будто пыталась запомнить каждую чётточку. Каждую родинку. Каждый изгиб. И это пугало ее больше всего. Я видела это в её взгляде. Она боялась не дороги. Она боялась моего предвкушения. Роб вышел вслед за мной. Аккуратно притворил за собой дверь, чтобы не хлопнуть, не напугать. Замок щелкнул тихо. Почти интимно. Мама осталась одна. Я представила, как тишина в доме становится густой, как вода. Как она давит на барабанные перепонки. Как стук сердца кажется оглушительным. Как, наверное, капает вода из крана, который мама вечно забывает закрыть до конца. Мерный, сводящий с ума ритм: кап... кап... кап...

Я тряхнула головой, отгоняя эту картинку. Я уже сидела на пассажирском сиденье черного «Вольво». Кожаная обивка салона была прохладной, несмотря на солнце, бьющее в лобовое стекло. Я скинула кроссовки и поджала под себя ноги, устраиваясь поудобнее. Принялась листать плейлист в телефоне. Когда Роб сел за руль и повернул ключ в зажигания, из динамиков полился мягкий, ритмичный бит. Что-то с тягучим басом и звуками океана на фоне. Музыка заполнила пространство между нами, снимая остатки напряжения от сцены в доме.

Роб не спешил трогаться с места. Он смотрел прямо перед собой, на клумбу с увядающими гортензиями, которую мама забывала поливать. Его руки лежали на руле, но пальцы были неподвижны.

— Нельзя её оставлять одну в таком состоянии, — сказал он, не заводя мотор.

Я вздохнула. Мои пальцы замерли над экраном телефона. Укол совести — острый, быстрый — прошил где-то под ложечкой. Но почти сразу растворился в предвкушении свободы.

— Я знаю. Но я больше не могу сидеть в четырёх стенах, Роб. Мне двадцать три года. Я не могу вечно думать только о маме. Я не могу жить её страхами.

Я замолчала. Потом добавила тише:

— Я так устала от этого дома. Я так устала.

Он взял меня за руку. Тепло разлилось от его ладони, проникая сквозь кожу, успокаивая бешено бьющееся сердце. Его большой палец медленно погладил мою ладонь, очерчивая линии жизни. Потом он поднес мою руку к губам и поцеловал. Коротко. Нежно. Почти благоговейно. Я почувствовала его дыхание на своих пальцах.

— Ты права, — сказал он тихо. — Ты столько лет была заложницей. Я думаю, Хела успокоится, когда поймёт, что ты из раза в раз возвращаешься живой и невредимой. Это как тренировка. Мы приучим её к тому, что мир не всегда враждебен. Он улыбнулся. Его улыбка всегда действовала на меня безотказно. Открытая. Немного мальчишеская. С ямочкой на левой щеке, которая появлялась только в моменты абсолютной искренности. Я улыбнулась в ответ. Почувствовала, как отпускает стальная пружина внутри. Где-то глубоко, в том месте, которое я научилась игнорировать. Нам предстояло проехать около пятнадцати часов. Из хмурого, дождливого Портленда до солнечной Калифорнии. Туда, где начиналась Тихоокеанская тропа, петляющая над обрывами и пляжами. Маршрут я выбрала не случайно. Я хотела увидеть места, где океан встречается с землёй в дикой, первозданной красоте. Где нет ничего, кроме волн, скал и ветра.

— Быстрее бы оказаться у океана, — сказала я, когда город остался позади.

За окном замелькали сначала пригороды — серые, одинаковые, с аккуратными газонами. Потом пошли бесконечные зеленые холмы Орегона. Я опустила стекло, и в салон ворвался ветер. Он пах нагретой хвоей и влажной землёй. Совсем не так, как в городе.

— Я так рада, что мы выбрались. Чувствуешь этот воздух? Он уже другой.

— Да. Мне тоже хочется отдохнуть, пока не началась стажировка.

Роб сбавил скорость, пропуская грузовик, и бросил на меня короткий, любящий взгляд.

— Не верится, что мы больше не студенты. Кажется, начинается взрослая жизнь. Пройдёт ещё пара лет — и вот мы уже родители. Представляешь?

Я засмеялась. Смех у меня был легкий, как ветер над водой. Переливающийся. Искренний.

— Ты такой романтик. Вечно забегаешь вперёд.

Мне нравилась эта мысль. Я закрыла глаза. Перед внутренним взором встала картинка. Дети. Белые шторы, колышущиеся от сквозняка. Дом, полный солнца. Он. Его большие тёплые руки на моём животе, круглом и тугом. Целая жизнь впереди. Длинная. Светлая. Наша общая. Похожая на эту бесконечную ленту шоссе, убегающую за горизонт. Он был моей первой любовью. Искренней. Настоящей. Той, о которой не пишут в книгах, потому что она слишком простая, слишком надежная и слишком правильная для драматического сюжета. Мы выехали за город. Солнце, поднявшееся выше, заливало салон. Играло бликами на приборной панели. Скользило по моему лицу, заставляя жмуриться. Я прикрыла глаза, подставляя лицо теплу. Свет целовал мои волосы. Они были цвета августовской пшеницы — густые, прямые, тяжёлые. У самого лица пряди выгорели почти до жемчужного золота, и теперь, под лучами, они переливались, как натянутый шелк.

Роб держал руку на моем колене. Просто. По-хозяйски. Но бережно, едва касаясь. Его ладонь была горячей. Шершавой от тренировок в зале и гребли на озере. От этого прикосновения по моей коже разливалось спокойствие. Словно я выпила глоток горячего чая в холодный день. Дорога убаюкивала. Мерный гул шин. Редкие щелчки поворотников. Смена треков в плейлисте. Я смотрела на проплывающие мимо пейзажи — коровы на зеленых пастбищах, виноградники, аккуратные фермерские домики, — и чувствовала, как с каждым километром спадает груз ответственности. Груз, который я таскала на себе с детства, даже не замечая его веса.

— Остановимся на заправке? — спросила я, потягиваясь так, что хрустнули суставы. — Я хочу самый вредный бургер и самую большую колу.

— Да, я тоже. Я голодный как волк.

Мы перекусили на открытой веранде. Столы были липкими от пролитого соуса. Ветер гонял по асфальту пыль и обрывки чеков. Бургер оказался удивительно вкусным — сочным, истекающим сыром, с хрустящим листом салата. Роб смеялся над тем, как я вгрызлась в него, забыв про салфетки. Потом протянул руку и вытер соус с моего подбородка большим пальцем. Просто. Нежно. Как делал сотни раз до этого. Заправив машину до полного бака и купив в дорогу огромный стакан кофе со льдом, мы поехали дальше. В мотеле останавливаться не стали. Роб предложил сэкономить время и деньги, переночевав прямо в машине. Мы нашли тихую площадку для отдыха, залитую светом фонарей, и устроились на откинутых сиденьях. Спать было немного тесно. Но я уютно устроилась, свернувшись калачиком и положив голову ему на плечо. Сквозь сон я слышала, как шумит ночное шоссе. Как ровно, глубоко дышит Роб, прижимая меня к себе.

Утром мы выпили горячего, отдающего картоном кофе из бумажных стаканчиков и снова в путь. Утренний туман стелился над дорогой. Солнце только начинало окрашивать небо в персиковые тона. Калифорния встретила нас солнцем, теплом и морским бризом. Воздух здесь был другим. Густым. Солёным. Живым. Он проникал в лёгкие и оставался там, обещая что-то хорошее. Смывая усталость долгой дороги. Окна были открыты настежь, и я ловила ртом этот солёный ветер, как ребёнок.

— Я забронировал номер на два дня, — сказал Роб, паркуясь у небольшого отеля в двух шагах от пляжа.

Белое двухэтажное здание, увитое бугенвиллеей, выглядело как открытка.

— Отдохнём, покупаемся. Я хочу взять доски и посерфить, а потом уже с новыми силами отправимся по маршруту. Идёт?

Я расплылась в улыбке. Мои зелёные глаза засияли ярче калифорнийского солнца.

— Спасибо. Я люблю тебя.

Ближайшие два дня слились в один солнечный, солёный, счастливый миг. Время текло по-другому. Медленно. Тягуче. Как расплавленный мёд. Мы просыпались поздно, когда солнце уже заливало белую комнату, и шли завтракать в кафе напротив. Там подавали свежие вафли с клубникой — хрустящие снаружи, мягкие внутри, политые кленовым сиропом. Затем — долгие часы на пляже. Я лежала на покрывале, подставив спину солнцу, и слушала мерный шум прибоя. Этот звук был лучше любой музыки. Он успокаивал. Убаюкивал. Стирал тревожные мысли, которые всё ещё пытались пробраться в голову. Мы купались в ледяной, бодрящей воде. Она обжигала кожу и заставляла сердце биться быстрее. Потом согревались на горячем песке. Смеялись. Гонялись друг за другом по линии прибоя, оставляя на мокром песке цепочки следов. Вечером пошли на пляжную вечеринку. Босые ноги вязли в прохладном песке. Вокруг звучали чужие голоса, играла музыка, от которой вибрировало где-то под рёбрами. Горел костер, и на лицах танцующих плясали оранжевые отсветы. Роб принёс мне пиво в запотевшей бутылке. Я пила его, глядя на то, как закатное солнце плавится в океане. Красно-оранжевое. Огромное. Медленно уходящее за горизонт.

Я мазала ему спину солнцезащитным кремом. Белая густая жидкость холодила пальцы. Мои ладони скользили по его широким плечам медленно, изучающе, очерчивая каждую мышцу. Он был красив. Не хищной, глянцево-красотой с обложек журналов. Другой. Надежной. Земной. Широкие плечи. Сильные руки, на которых проступали вены. Грудь, на которой я любила засыпать, слушая стук его сердца. Я целовала его в плечо. В шею. В ямочку между ключицами. Чувствовала на губах солёный вкус его кожи и запах сандалового крема. Он зажимался, как довольный большой кот, подставляя лицо солнцу. Мы говорили о будущем. В каком районе хотим жить. Куда поедет в следующем году — может, в Италию? Или в горы Колорадо? Как назовём собаку — лабрадора цвета мёда или бордер-колли? Фотографировались дурачась. Он снял меня на плечах — я с раскинутыми руками, будто лечу над океаном. Ветер трепал мои волосы и юбку сарафана. Снимок получился смазанным, но безумно живым.

Телефон звонил. Снова и снова. Я отходила в сторону, к самой кромке воды. Туда, где крики чаек заглушали мой голос.

— Да, мама. У нас правда всё хорошо. Погода отличная, океан тёплый. Нет, не обгорела. Завтра утром отправимся в поход. Скорее всего, связи не будет, там горы. Не переживай. Мы уйдём всего на пару дней, а потом сразу же наберу тебе. Обещаю. Пауза. В трубке слышалось только сбивчивое дыхание мамы. И шум волн здесь, в Калифорнии.

— Нет, мама. Я не могу отменить. Нет. Я понимаю, что ты волнуешься. Нет. Мама, я люблю тебя и кладу трубку. Пока.

Я нажала отбой. Выдохнула. Смотрела на бескрайнюю синюю гладь и чувствовала, как внутри снова скребётся этот холодный комочек вины. Я заталкивала его глубже. Туда, где он не мог достать меня. Роб подошел сзади. Обнял меня за плечи. Притянул к себе спиной к груди.

— Я думаю, мы должны будем обратиться к психиатру, — сказал он мягко. Его голос звучал прямо над моим ухом. — У Хелы тревожное расстройство. Это видно невооруженным взглядом. Ей нужна помощь, которую мы не можем дать. Мы ей поможем найти врача.

Я закивала. Быстро. Слишком быстро, чтобы это было искренним согласием.

— Да. Но давай пока не будем возвращаться к этому. Хотя бы ближайшие пару дней. Пожалуйста. Я хочу побыть здесь. С тобой.

Я повернулась в его объятиях. Встала на цыпочки. Наклонилась к его уху так, что моё дыхание обожгло ему кожу.

— Пойдём в номер.

На балконе нашего номера шумел океан. Закатное солнце заливало комнату жидким золотом через развевающиеся шторы. Мы лежали на смятых, ещё хранящих тепло наших тел простынях. Загорелые. Уставшие. Счастливые. Моя голова покоилась на его груди. Я слу-

шала, как бьётся его сердце. Ровно. Сильно. Успокаивающе. Его пальцы лениво перебирали мои волосы. Распутывали прядки. Наматывали на палец. За окном кричали чайки. Внизу смеялись люди, спешащие на ужин. Мир был теплым. Огромным. Он обещал только хорошее. Я закрыла глаза.

А где-то далеко, за тысячи миль отсюда, в пустом доме, где всё ещё пахло ванилью, мама сидела у окна и смотрела, как сгущаются сумерки. Ее пальцы тербли край шторы. Нервное, бессознательное движение. Она не плакала. Она просто ждала. Она знала то, чего не могли знать мы — двое, влюблённые в жизнь и друг в друга. Она знала: мир, от которого она бежала, не прощает. Он забирает то, что ты любишь. Медленно. Или сразу. Но всегда забирает

Глава 2 POV Аластор

Меня зовут Аластор Рейнор. Имя мне дала мать. Говорят, она выбрала его сама, ещё до того, как я сделал первый вдох. Аластор — дух возмездия. Месть, облеченная в плоть. Я не знаю, кого она хотела покарать моим рождением. Может быть, отца. Может быть, весь этот мир. Может быть, саму себя. Теперь это неважно.

Мать мертва. А имя осталось. Я ношу его не как рану, а как острое клинка, которое всегда указывает в нужную сторону. Как клеймо хищника, которое не сводят, а предъявляют жертве перед прыжком. Через три дня здесь появится Осборн.

Оракул не ошибается. Дочь старика, что видит сквозь время, сказала: на закате третьего дня, у барьера. Она переступит черту. Окажется на моей земле. В моей власти. Я даже рад, что это будет не сама Хела. Не та, что смотрела в глаза моей матери, когда та умирала. Не та, что сбегала, как крыса, бросив всё — дом, семью, имя, прошлое. Не та, что двадцать семь лет пряталась в своем жалком мирке, где нет магии, нет чести, нет расплаты. Нет. Будет ее дочь. Плоть от плоти. Кровь от крови. Та, что ничего не знает, ничего не помнит, ни в чём не виновата. Тем громче будет эхо. Когда старая волчица знает вкус крови, она умирает молча. А невинная овца кричит так, что дрожит всё стадо. Хела услышит этот крик через все миры. Я сделаю так, чтобы она услышала.

Тронный зал пустовал. Я сидел на троне. Небрежно. Закинув ногу на ногу, откинувшись на высокую спинку, положив руки на истертые подлокотники. Дуб был холодным даже через ткань рубашки. Пальцы сами легли в углубления — следы ладоней тех, кто сидел здесь до меня. Дед. Прадед. Отец. Все, кто носил имя Рейнор и держал эту землю в кулаке. Волчья шкура у моих ног свалилась стеклянными глазами на пустой зал. В высокое окно влетела птица. Мелкая. Серая. Заметалась под сводами, хлопая крыльями. Звук резанул по тишине. Я поднял руку. Лениво. Почти рассеянно. С ладони сорвался огненный шар — ровно такой, чтобы хватило. Птица вспыхнула мгновенно, даже писка не было. Только горстка пепла осыпалась на каменный пол. Залетела не в то окно. Бывает. Я любил это место, когда здесь никого не было. Без придворных. Без стражи. Без отца. Только я, камень, дерево и тишина. Здесь я мог думать. Здесь я мог представить её лицо. Её страх. Её первую ошибку, которая станет моим развлечением.

Три дня. Дверь открылась без скрипа. Я узнал шаги раньше, чем увидел вошедшего. Сухие. Чёткие. С той особенной экономной грацией, которая бывает только у тех, кто привык носить доспехи, а потом сменил их на мантию. Отец. Он остановился в нескольких шагах от возвышения. Свет из высоких окон падал ему на плечи, серебрил седину на висках. Он не смотрел на меня. Он смотрел на меч над тронном.

— Я ещё не настолько стар, чтобы ты тут так восседал.

Я не двинулся.

— Мы должны обсудить план. Когда Осборн будет здесь.

Я поднялся. Лениво. Не спеша. Спустился по трем ступеням, прошел мимо отца, не глядя на него, и остановился у окна. За стеклом расстилался город — крыши, шпиль, узкие улочки, убегающие к барьеру.

— А что тут обсуждать? Возьмём её в плен. И скрасим её серые земные будни.

Я оскалился. Зубы блеснули.

— Я пытался сделать из тебя хорошего правителя, — голос отца ударил в спину. — Стратега.

Я повернулся. Медленно. Скулы заострились.

— Думаешь, встретишь её с почестями? Может, устроим пир? Расстелим ковры? Позовём менестрелей?

Он не дрогнул. Ни мускула. Ни тени.

— Ты импульсивен. Заносчив. Ты не видишь дальше собственной ярости. А она, — он сделал паузу, — со своим даром нам ещё пригодится.

Я фыркнул. Резко. Презрительно.

— Война с эльфами неизбежна, — продолжил он. — Ты знаешь это не хуже меня. Сила рода Осборн может решить исход. Не разбазарь её.

Я смотрел на него и видел не отца. Видел того, кто стоит между мной и полным наслаждением моментом.

— Ты всегда думаешь о короне, — сказал я.

— А ты думай о будущем, — ответил он холодно. — Хотя бы раз.

Развернулся и пошёл прочь. У двери остановился.

— Три дня. Не тратить их зря.

Дверь закрылась с глухим стуком. Я стоял у окна. Город внизу жил своей жизнью. Отец хочет, чтобы я думал наперед. Чтобы я использовал её дар, её кровь, её силу — и забыл о расплате. Нет. Я использую её. Да. Её сила нам пригодится — в этом отец прав. В мире, где каждый день — война, где эльфы точат клинки, а соседи ждут момента, чтобы вонзить нож в спину, такая мощь не будет лишней. Но я сам решу, сколько с неё содрать до того, как использовать. И месть никуда не денется. Она подождёт. Двадцать семь лет я точил лезвие. Подождать ещё немного, чтобы удар был точнее — не проблема. Я готов..

Глава 3 POV Никс

Мы ушли в горы ранним утром. Я шла и смотрела, как свет пробивается сквозь ветви — рваными полосами, косыми и тёплыми. Воздух был холодным и чистым, как родниковая вода. Он пах хвоей, влажной землёй и чем-то еще — неуловимым, древним, что всегда появляется в горах перед рассветом. Я всегда шла первой. Не потому что хотела вести. Просто мне нравилось видеть мир раньше, чем он. Нравилось оборачиваться и ловить его взгляд — тёплый, немного встревоженный, полный той спокойной, уверенной любви, которая была нашим общим домом. Его шаги звучали за спиной. Тяжелые. Размеренные. Я узнала бы их из тысячи.

— Ты как? — спросил он, догоняя меня на подъёме. — Не устала?

Я фыркнула, не оборачиваясь. — Я? Ты за кого меня принимаешь?

Он усмехнулся. Я услышала это по звуку дыхания. Представила, как он поправляет ляжку рюкзака — этот его вечный жест. Большой, широкоплечий, с вечно растрепанными каштановыми волосами и глазами, в которых можно было утонуть, как в тёплом море. Мы шли уже несколько часов. Тропа вилась между скал. То ныряла в густую тень, где мох свисал с камней, как зеленые бороды. То выныривала на открытые уступы, и тогда внизу открывались бескрайние зелёные холмы. Они уходили к горизонту волнами, как застывшее море. Я любила горы. Здесь дышалось иначе. Свободнее. Глубже. Будто сам воздух был пропитан чем-то забытым, зовущим. Будто он что-то помнил, а я — ещё нет.

И вдруг я остановилась. Не сразу. Сначала просто замедлила шаг. Что-то было не так. Что-то на грани слышимости, на самом краю сознания.

— Слышишь? — спросила я.

Роб замер за моей спиной. Я слышала, как он затаил дыхание. Ветер шумел в кронах. Где-то далеко кричала птица — резко, отрывисто.

— Нет. А что?

Я нахмурилась. Закрывает глаза на секунду, чтобы отсечь всё лишнее. И снова услышала. Голоса. Обрывки разговора — то громче, то тише, как помехи на старом радио. И ещё — лязг. Словно где-то далеко били молотом по металлу. Звонко. Мерно.

— Там кто-то есть, — сказала я медленно. — Люди.

Роб снова прислушался. Я ждала. Секунду. Другую.

— Никс, здесь на двадцать миль вокруг ни души. Ты же сама карту смотрела.

Я знала, что смотрела. Я помнила эту карту — зеленые пятна лесов, коричневые линии высот, белые пустоты, а с другой стороны только океан. Но уши говорили другое. Звук то наплывал, то отступал — как будто ветер играл с ним, то донося, то унося прочь.

— Я слышу, — повторила я. — Там, левее. За теми скалами. Пойдём.

— Никс, это просто ветер...

— Пожалуйста. Просто проверим. Если ничего нет — вернемся на тропу.

Я протянула руку. Он взял ее — без колебаний, как всегда. Моя ладонь утонула в его теплой, надежной ладони. Я видела по его лицу: он не верил ни единому слову. Но пошёл. Потому что это была я. Мы свернули с тропы, я отчетливо слышала звуки прощали где-то минут десять в глубь леса и Голоса становились громче. И лязг металла — ритмичный, чёткий, как пульс.

— Неужели ты правда не... — начала я и осеклась.

Воздух изменился. Не резко. Сначала он просто стал гуще. Плотнее. Я шагнула — и вдруг почувствовала, как что-то держит меня. Не больно. Не страшно. Просто тело на секунду перестало быть моим — как будто я увязла в чём-то тягучем, что обхватило меня со всех сторон и не хотело отпустить. Ни вдохнуть. Ни пошевелиться. Секунда. И отпустило. Я сделала шаг — и мир изменился. Не постепенно. Не плавно. Резко. Как будто кто-то выдернул

землю у меня из-под ног и тут же поставил обратно — но уже другую. Воздух стал иным. Гуще. Сладше. С какой-то неуловимой горчинкой, от которой сразу закружилась голова. Я вдохнула — и почувствовала, как он расходится по лёгким иначе, тяжелее, будто имел вес. Свет поменял оттенки. Кто-то невидимый подкрутил фильтр, и всё вокруг стало ярче, резче, живее. Слишком живое. Слишком настоящее. обернулась на Роба. Он шёл за мной как ни в чём не бывало. Ни удивления. Ни напряжения. Просто шаг — и он рядом.

— Ты почувствовал? — выдохнула я. — Там, когда мы...

— Что почувствовал?

Я не нашла слов. Он прошёл это как сквозь обычный воздух. Тишина исчезла, Когда мы прошли через толщу кустов. Перед нами раскинулась деревня. Я замерла, не в силах отвести взгляд. Дома с остроконечными крышами — деревянные, темные от времени, с резными наличниками. Мощеная улочка, выложенная серым камнем, стертые сотнями ног. И метла. Обычная метла с потертой ручкой. Она стояла у крыльца и деловито подметала ступени. Сама. Без рук. Без человека. Я смотрела на неё и не могла понять, что чувствую. Мозг отказывался принимать увиденное. Он искал объяснение — верёвка, механизм, чья-то шутка. Но метла двигалась плавно, естественно, и щетина шуриала по дереву с тихим, уютным звуком. Роб замер рядом. Его пальцы сжались на моей ладони.

— Это что, съёмки? — его голос прозвучал неуверенно. — Какие-нибудь ролевики?

Я не ответила. Я смотрела на людей. Они шли по улице — кто-то с корзиной, кто-то с вязанкой хвороста, кто-то просто стоял у дверей. Одежда странная. Не бутафорская, не карнавальная. Ношенная. Выцветшая на плечах от солнца. Заплатанная на локтях. Она сидела на них так, как сидит только то, что носят годами, каждый день, не снимая. И лица. Они не были загримированными. У старухи у колодца — глубокие морщины вокруг глаз. У мальчишки с деревянным мечом — ссадина на колене, настоящая, с запекшейся кровью. Их взгляды были слишком пристальными. Слишком живыми.

— Ты чувствуешь? — прошептала я.

— Что?

— Воздух. Он другой.

Роб втянул носом. Я увидела, как он нахмурился.

Люди на улице начали замечать нас. Женищина с корзиной замерла на полушаге. Мужчина у дверей толкнул соседа локтем, и тот обернулся, прищурился. Шепот пробежал по улочке, как ветер по траве. Я не слышала слов, но чувствовала их взгляды кожей. Они смотрели на нас так, как смотрят на чужаков. На тех, кто пришел незваным.

— Чего они пялятся? — пробормотал Роб.

Я сжала его руку. И в этот момент увидела его. От ворот, что вели к замку, отделилась фигура. Старик. Высокий, прямой, в тёмном плаще, который волочил по земле, но не цеплялся за камни. Он шёл к нам. Не быстро. Немедленно. Словно знал, что мы здесь. Словно ждал. Он остановился в трёх шагах. Его взгляд уперся в меня. Долгий. Цепкий. Он смотрел не на лицо — глубже. Как будто читал что-то под кожей, в самом нутре. Мне стало холодно. Не от ветра. От этого взгляда. Брови его сошлись на переносице.

— А вот и Осборн вернулась, — произнес он.

Негромко. Но улица замерла. Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Осборн. Девичья фамилия матери. Та, которую мама никогда не носила при мне. Та, что осталась в прошлом, о котором она не говорила. Никогда. Ни слова. Я даже не была уверена, что знала её правильно, пока не услышала сейчас — произнесенную чужим голосом, в чужом месте. Роб шагнул вперед, заслоняя меня плечом.

— Что здесь происходит?

Старик скользнул по нему взглядом. И отвел. Не с презрением. Не с угрозой. Хуже. Так смотрят на пустое место. На вещь, которая оказалась не на своём месте, но не стоит того,

чтобы её переставлять. Я почувствовала, как Роб напрягся. Кулак сжался у бедра. И тут раздался стук копыт.

Со стороны замка неслись три черные лошади. Первым явно ехал воин. Лук за спиной, лицо сосредоточенное, взгляд цепкий — он сканировал улицу, как будто искал угрозу. За ним — тот, в ком власть читалась без слов. Накидка темной тканью лежала на плечах, не скрывающая прямой, жесткой осанки. Правитель. И третий. Я не сразу поняла, почему воздух стал тяжелее. Почему дышать стало трудно. Черная рубашка. Расстегнутый ворот. Темные волосы, падающие на лоб. И взгляд. Я врезалась в этот взгляд — и больше не могла отвести глаз. Не хотела. Не могла. Что-то в его лице пригвоздило меня к месту. Хищное. Острое. Полное такой ненависти, что у меня перехватило дыхание.

Он смотрел только на меня. Ни на Роба. Ни на улицу. Ни на город. Только я. Легким, текучим движением он спустился с коня. Так двигаются хищники, а не люди. Прошёл мимо меня. Мимо Роба. Даже не взглянув. Подошёл к старику и встал рядом с ним, плечом к плечу.

— Ступай к казначею, — произнёс он негромко. Голос низкий, гортанный, с хрипотцой. — Распорядись выдать твоей дочери жалование. Она — величайший Оракул этого времени. Пусть знает, что корона ценит её дар.

Старик склонил голову. Ни слова. Ни удивления. Просто принял — и отступил в тень, растворился между домами, как будто его и не было. Тот, с хищным взглядом, повернулся ко мне. Три шага — и он уже стоял передо мной. Близко. Слишком близко. Я чувствовала тепло его тела. Чувствовала запах — кожи, металла, чего-то терпкого, чужого. Его глаза — тёмные, почти чёрные — смотрели на меня в упор. Я не могла отвести взгляд. Не могла пошевелиться. Роб дернулся рядом. Я услышала его вдох — резкий, готовый к рывку. Но он не успел.

Рука незнакомца взметнулась. В ней блеснул кинжал — тонкий, с длинным лезвием, покрытым знаками, которых я не знала. Он схватил мое запястье. Резко. Пальцы сжались, как стальной браслет. Клинок полоснул по ладони. Боль была острой. Мгновенной. Она пронзила руку от ладони до локтя, горячая и чужая. А потом — холод. Он побежал от пореза вверх, к плечу, к шее. Колющий. Ледяной. Будто что-то живое пробралось под кожу вместе с лезвием и теперь растекалось по венам. Я посмотрела вниз и увидела кровь. Свою кровь. Алую, яркую, слишком яркую для этого серого мира. Она текла по пальцам, капала на землю, и каждая капля казалась кричащей.

— Прочь!

Голос Роба сорвался на рык. Он рванул меня за спину, заслоняя собой, и я врезалась в его плечо — твердое, горячее, родное. Незнакомец уже отступил. Тому самому месту, через которое мы прошли. Теперь оно стало видимым — полупрозрачная стена, мерцающая, дрожащая, как воздух над раскаленным камнем. Она поднималась выше домов и уходила в небо, исчезая где-то в синеве. Он опустил окровавленную ладонь на эту стену. Мою кровь. Провёл. Оставил алый след — длинный, рваный. И заговорил. Низко. Гортанно. На языке, которого я никогда не слышала. Звуки были чужими, неправильными, они царапали слух и отзывались где-то глубоко внутри, в самых костях. Как будто мое тело знало этот язык, хотя разум — нет. И тогда я почувствовала это. Страх. Не просто испуг. Не просто тревога. Настоящий, первобытный, животный ужас. Он поднимался откуда-то изнутри — из живота, из груди, из того места, где, наверное, живёт душа. Я не понимала, что происходит. Не понимала, кто эти люди. Зачем они взяли мою кровь. Я почувствовала наплыв жара как будто у меня поднялась мгновенно температура

Ветер ударил в лицо. Резко. Без предупреждения. Холодный и злой. Тучи начали собираться над головой — быстрее, чем это бывает в природе. Слишком быстро. Они напозлали друг на друга, темнели, тяжелели. Воздух стал плотным, наэлектризованным. Я чувствовала, как волосы на руках встают дыбом. Незнакомец ухмыльнулся. Не добро. Не зло. Просто

— понимающе. Как будто он знал что-то, чего не знала я. Король повернулся ко мне. Лицо его осталось спокойным, но в голосе прорезалась сталь.

— Укроти свою бурю.

Я уставилась на него. Бурю? Какую бурю? Я не...

- Я лично хотел встретить тебя на своих землях, не люблю, когда мой народ покидает меня

— Что вы несёте?! — голос Роба разрезал воздух. Он выкрикнул это громко, почти сорвавшись. — Что здесь происходит? Кто вы такие? Куда мы попали?

Я чувствовала, как кровь стекает по пальцам. Горячая. Липкая. И холод внутри — он всё ещё был там, пульсировал под кожей в такт сердцу.

— Успокойся, — прошептал Роб, наклоняясь к моему уху. — Я с тобой. Слышишь? Я с тобой.

Я кивнула. Не потому что верила. Потому что он был рядом. Сзади раздался голос незнакомца. Низкий. Гортанный. Он снова произносил слова, которых я не знала. Почти прозрачная стена слово вытканная из эфира вспыхнула. Ярко. Ослепительно. Белый свет ударил в глаза, и на секунду мир исчез — только белое, только пустота. А потом свет погас. И не осталось ничего. Ни мерцания. Ни полупрозрачной стены. Незнакомец прошёл мимо нас, не глядя. Его плечо едва не задело плечо Роба.

— Теперь вы отсюда не выйдете.

Голос прозвучал ровно. Без злости. Без торжества. Просто констатация факта. Как будто он сообщал нам, что сегодня вторник. Король уже садился на коня. Движения его были спокойными, выверенными. Он бросил стражнику, стоящему у ворот:

— Привести их ко мне во дворец.

Копыта ударили о мостовую. Двое всадников исчезли так же быстро, как появились. Только пыль осела на камни. Старик растворился в тенях посада. Улица снова наполнилась звуками — обыденными, чужими, равнодушными. Люди вернулись к своим делам. Как будто ничего не произошло. Роб сжал мою руку.

— Прочь отсюда.

Мы развернулись и побежали. Туда, откуда пришли. Туда, где должен был быть выход. Назад. Домой. И врезались в пустоту. Я ударилась. Боль прострелила до шеи. Я отшатнулась, выставила руки вперёд, и мои пальцы уперлись во что-то твёрдое. Невидимое. Холодное. Я провела ладонью. Стена. Гладкая. Непробиваемая. Воздух, ставший камнем. Я прижала вторую ладонь. Надавила всем телом. Ничего. Даже дрожки. Даже колебания. Только холод — такой же, как тот, что все еще струился от пореза вверх по руке. Роб колотил по ней кулаками. Глухо. Бесплезно. Звук ударов поглощала пустота.

— Что за хрень... — выдохнул он.

Я стояла, прижав ладони к невидимой преграде, и смотрела туда, где за барьером остался наш мир. Горы. Тропа. Дом. Мать. Всё, что было моей жизнью. Теперь это было по ту сторону.

— Следуйте за мной.

Голос раздался сзади. Я вздрогнула. Обернулась. Стражник. Молодой, широкоплечий, в тёмной форме. Он стоял в нескольких шагах и смотрел на нас. Не враждебно. Но и не дружески. Просто — ждал.

— Король ждёт.

Я не двинулась с места.

— Что здесь происходит? — мой голос прозвучал тихо. Почти шёпотом.

Стражник замер. Посмотрел на меня. Долго. Словно решал, имеет ли право отвечать. Его глаза — светлые, молодые — скользнули по моему лицу, по крови на ладони, по Робу, который всё ещё прижимал меня к себе.

— Вы пересекли магический барьер, — сказал он наконец.

Я моргнула. Магический барьер. Слова повисли в воздухе. Я ждала, что он улыбнётся. Скажет, что это шутка. Что сейчас всё встанет на свои места. Он не улыбнулся.

— Пройдемте за мной.

Он развернулся и зашагал к замку. Не оглядываясь. Не проверяя, идём ли мы. Роб сжал мою ладонь. Я подняла глаза. Он смотрел на меня. В его взгляде был страх — я видела его, хоть он и пытался спрятать. И была любовь. Много любви. Больше, чем страха.

— Всё будет хорошо, — сказал он тихо. — Мы отсюда выберемся. Слышишь?

Я кивнула. Не потому что верила. Потому что он был рядом. Потому что его рука была тёплой. Потому что мне нужно было хоть во что-то верить. Мы пошли за стражником. Вглубь посада. Мимо домов с остроконечными крышами. Мимо людей, которые провожали нас взглядами. Мимо метлы, которая всё ещё подметала крыльцо, не обращая на нас внимания. К замку, что возвышался над городом, как спящий зверь. Я шла и чувствовала, как кровь на ладони засыхает, стягивая кожу. Я шла и не знала, куда иду. Шла и думала только об одном: что скажет мать, когда узнает, что я здесь. Что она скажет, когда поймёт, что её прошлое наконец нашло её. Через меня. Копыта стучали по мостовой. Замок приближался. Его тень накрыла нас раньше, чем мы вошли в ворота.

Глава 4

Стражник ехал впереди — неспешно, не оглядываясь. Копыта его коня цокали по брусчатке, и звук этот отскакивал от каменных стен, множился, гудел в ушах. Роб держал меня за руку. Крепко.

— Осборн, — произнесла я тихо. — Это девичья фамилия мамы.

Он посмотрел на меня — внимательно, с застывшим вопросом в карих глазах.

— Если честно, я не совсем понимаю, что здесь происходит. — Его голос звучал ровно, но я слышала, чего ему стоила эта ровность. — Но я так понимаю, у твоей матери было не тревожное расстройство.

Я не ответила. Мне нечего было ответить. Мы выехали на мост. Каменный, величественный, переброшенный через реку, что несла свои воды внизу — тихие, тёмные, равнодушные. Перила были увиты плющом, и зелень эта казалась неуместно живой среди серого камня и такого же серого неба. Впереди выросла цитадель. Не замок из сказок — махина. Тяжёлая, вросшая в скалу, с острыми шпильями, пронзающими низкие тучи. В узких окнах кое-где горел свет, но теплее от этого не становилось. Цитадель смотрела на нас слепыми глазами и молчала.

— Прости, — вырвалось у меня. — Это всё из-за меня.

Роб резко повернул голову.

— Милая. — Он поймал мой взгляд и держал, пока я не перестала смотреть в сторону. — Мне бы и в голову не пришло обвинять тебя.

Я хотела ответить, но не успела. Несколько человек на мосту обернулись на его слова — простые горожане, без оружия, без формы. Они смотрели на нас так же, как те, в посадке: с любопытством, с опаской, с каким-то непонятным узнаванием. Я почувствовала себя голой. Стражник подъехал к воротам. Тяжёлые створки дрогнули и поползли в стороны — медленно, без скрипа. Нас впустили. Внутренний двор встретил гулкими шагами и запахом — камень, старая листва, металл. Откуда-то тянуло гарью. К нам тут же подошёл слуга — сухой, подтянутый, с лицом, на котором ничего не было написано.

— Следуйте за мной.

— Куда мы идём? — рыкнул Роб.

— Король Аркан вас ожидает. Идите за мной.

Слуга развернулся и зашагал прочь. Мы переглянулись, и Роб сжал мою ладонь ещё крепче. Мы пошли. Я пыталась запомнить каждую деталь — повороты, лестницы, гобелены на стенах, трещины в каменных плитах. Но в голове была каша. Всё происходящее казалось сном, бредом, чужой историей, в которую нас затянули насильно. И только холод, ползущий от порезанной руки, напоминал: это всё настоящее. Этот камень. Эти стены. Этот запах.

— У меня чувство, что нас загоняют в клетку, и мне это не нравится, — негромко сказал Роб. Он смотрел по сторонам, и в его голосе прорезалась та сталь, которую я хорошо знала. Та, что появлялась перед боем. Я погладила его руку — просто провела большим пальцем по костяшкам, давая понять, что я здесь, что я с ним.

— Разберёмся, Роб. Я надеюсь, мы во всём разберёмся.

Он не ответил, но его пальцы чуть ослабили хватку. Не от страха — от доверия. Слуга вывел нас к высоким дверям. Тёмное дерево, кованые петли, и ручки, ни замка. Он толкнул створку — и двери распахнулись без единого звука. Зал был огромен, и я на секунду забыла, как дышать. Высокие своды терялись в полумраке. Свет падал из стрельчатых окон — длинными, косыми полосами, разрезая каменный пол на лоскуты тьмы и золота. Пахло холодом. Не морозом, не зимой — каким-то древним, застоявшимся холодом камня и времени. В центре зала, на возвышении, стоял трон — массивный, дубовый, источенный временем. И на

троне сидел король. Он не выглядел старым, но и молодым его назвать было нельзя. Серебро на висках, прямая спина, спокойные, холёные руки на подлокотниках. Одет неброско — тёмная ткань, сдержанная вышивка, — но власть чувствовалась не в одежде. В осанке. В том, как он смотрел. Я сразу поняла: этот человек привык, что ему подчиняются. Давно. Всегда.

Из тени за колонной вышел второй. Я узнала его мгновенно — по хищной пластике, по тёмным глазам, по тому, как воздух вокруг сгустился. Тот, кто порезал мне руку. Тот, кто запечатал барьер. Он остановился у подножия трона и посмотрел на нас — на меня — с таким неприкрытым презрением, что я отвела взгляд раньше, чем успела подумать. Он смотрел не как на врагов. Как на грязь. На то, что случайно занесли на подошвах в чистый зал. Король заговорил первым. Голос у него оказался глубокий, с приятной хрипотцой, и от этого спокойствия мне стало только страшнее.

— Как тебя зовут, Осборн?

Я заставила себя поднять голову.

— Я не Осборн. Кажется, вы ошиблись.

Король засмеялся — легко, почти по-доброму. Но смех этот отскочил от стен и вернулся чем-то совсем не добрым. Роб шагнул вперед, заслоняя меня плечом.

— Вы должны объяснить, что здесь происходит.

Король склонил голову набок и перевёл взгляд на него. Разглядывал. Изучал. Как изучают диковинку, случайно попавшую в руки.

— Удивительно, что ты прошёл сквозь барьер. Он не пускает людей без магии. — Пауза. Взгляд стал цепким, колючим. — Но с этим мы ещё разберёмся. А пока — представьтесь, молодые люди. Это невежливо — входить в тронный зал без имён.

— Меня зовут Роберт, — отчеканил Роб, не отводя глаз. — Мою девушку зовут Никс.

— В духе Хелы, — усмехнулся король, и усмешка эта резанула по живому.

Меня затрясло. Имя матери — здесь, из чужих уст, в этом зале, среди чужаков, — прозвучало как пощечина. Страх, что копился всю дорогу, вдруг переправился во что-то другое. Горячее. Злое. Хватит отмалчиваться. Хватит быть загнанной. Я подняла глаза. Сначала на короля. Потом — на принца. И сказала громче, чем сама от себя ожидала:

— Хватит загадок. Что здесь происходит? Какое отношение к вам, к этому месту имеет моя мать?

Тишина в зале стала оглушающей. Принц чуть склонил голову — будто впервые заметил, что я умею говорить. Но в его взгляде ничего не изменилось. Та же ненависть. Разве что теперь — с оттенком любопытства. Король откинулся на спинку трона.

— Видишь ли, Никс... — король выделил моё имя, растянул, будто пробовал на вкус. — Твоя мать...

Пауза. Долгая. Намеренная.

— Цареубийца.

Слово ударило в тишину. Я моргнула. В голове — ничего, белый шум. А потом — мама. Кухня. Полотенце в побелевших пальцах. Утренний свет за её спиной. «Никс, я прошу тебя, останься дома со мной». Она и мухи не обидит. Она пирожки печет. Она плачет, когда я ухожу в поход.

— Бред, — вырвалось у меня. Слово вылетело мгновенно, но внутри всё ещё не укладывалось. Не складывалось. Не могло быть правдой.

И тут заговорил тот, второй. Принц.

— Нет. Не бред. — Его голос был тише королевского, но каждое слово сочилось ядом. — Твоя мать убила мою. И сбежала. Потому что она гнусная тварь.

Я дёрнулась, как от удара. Нет. Он лжёт. Я не знала этого человека, но я знала — он лжёт. Должен лгать.

— Аластор! — Голос короля хлестнул по залу. — Держи себя в руках.

Принц сжал челюсти, но не отвел взгляда. Ни на секунду. Он смотрел на меня — и в его глазах я видела не просто ненависть. Что-то глубже. Старше. Выдержанное годами. Король повернулся ко мне, и его тон снова стал спокойным. Почти мягким. От этого мне стало ещё страшнее.

— Да, моя дорогая. Твоя малодушная мать убила мою жену, мою королеву, и сбежала за барьер. Бросила свою мать. Бросила свою магию. Бросила всё.

У меня зазвенело в ушах. Зал качнулся.

— А где доказательства? — Голос Роба прозвучал резко, требовательно. Он шагнул вперед, закрывая меня грудью. — Всё это только слова. Я знаю Хелу. Она и мухи не обидит. Она добрая, тихая, сердобольная женщина.

Король усмехнулся.

— Ах, вот кем она стала на большой земле.

Я не слышала его. Я видела маму. Вот она стоит в дверях кухни. Полотенце в побелевших пальцах. «Никс, я прошу тебя, останься дома со мной». Тёплая. Родная. Тревожная. Моя. Это неправда. Всё это неправда.

— Почему мы оказались здесь? — Мой голос прозвучал глухо, но твердо.

— Потому что твоя магия устала спать. Она привела тебя сюда.

— Какая ещё магия?

Аркан неторопливо поднял ладонь — и с нее сорвался огненный орёл. Живой. Настоящий. Пламя текло по его крыльям, переливалось, дышало. Он взмыл под своды, описал круг над нашими головами, и я почувствовала жар — кожей, лицом, всем телом. Орёл рассыпался искрами и погас. Я не сплю. Это всё происходит с нами.

Стоп. Мы были в походе. Горы. Тропа. Я могла упасть. Удариться головой. Я в коме. Это единственное объяснение. Должно быть единственным.

— Твоя семья — носитель дара, — продолжал король, не сводя с меня глаз. — Великого дара. Еще от друидов в вашей крови осталась стихийная магия. Именно поэтому вы до сих пор живы. Я не могу терять такие ресурсы. Твой дар нужен государству, а это выше моих личных обид.

Я слушала, и смысл его слов доходил медленно, как сквозь толщу воды.

— Твоя бабушка Азра уже слишком стара. Поэтому я решил помиловать тебя и дать право расплатиться за грехи твоей матери, служка короне.

В зале повисла тишина. Я смотрела на него — на этого человека, который только что говорил об убийстве, о магии, о моей матери-цареубийце, — и внутри что-то переключилось. Страх никуда не ушёл. Он всё ещё был здесь, под рёбрами, липкий и холодный. Но поверх него, перекрывая, поднималась ярость.

— Как интересно получается, — произнесла я. Голос мой был тих, но звенел. — Моя мама якобы совершила преступление. А вы, благородный король, сохраните нам жизни — чтобы я вам служила. Я правильно понимаю?

Сотни вопросов крутились в голове. О магии, которой у меня никогда не было. О матери, которую я не узнавала. О бабушке, о которой я даже не знала. Полнейшее непонимание, каша, звон в ушах. Но я знала одно: нельзя дать загнать себя в угол. Не сейчас. Не здесь. Король смотрел на меня — и в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. Или на предвкушение.

— Я же тебе говорил. — Аластор растягивал слова, и от этой медлительности его голос казался ещё гаже. — Нужно подготовить для нее особые покои. Наши темницы быстро выбьют из неё всю спесь.

Роб дернулся вперед прежде, чем я успела его удержать. Я почувствовала, как напряглись мышцы его плеча под моей ладонью, как шаг его стал тяжелее — не шаг, а бросок, оста-

новленный только моими пальцами, сцепившимися в его руку. Аластор заметил это движение. Чуть повернул голову. Улыбка стала шире.

— Подойди к ней, и я убью тебя.

Я замерла. Голос Роба я знала — низкий, с хрипотцой после тренировок, иногда мягкий до шепота. Но сейчас это был не его голос. Животный. Рычащий. Такого я не слышала никогда — ни дома, ни на ринге, ни в самые страшные моменты. Аластор даже не шелохнулся. Он смотрел на Роба сверху вниз, несмотря на то, что стоял на том же уровне, и в его глазах читалось спокойное, сытое превосходство.

— Мне достаточно просто произнести заклинание, и ты упадешь замертво. А она останется здесь совсем одна.

Он чувствовал себя победителем. И, кажется, он был прав. Мы в западне, и никто нас не спасёт.

— Хватит. — Голос Аркана разрезал воздух, холодный и острый.

Аластор замолчал мгновенно. Но улыбка никуда не делась — она осталась на его лице, приклеенная, как пощёчина.

— Пока мы обойдемся без темниц, — продолжил король. Он смотрел на меня. — Тебе подготовлена комната. Пауза.

— Вам, конечно. Вам.

Он перевёл взгляд на Роба — короткий, оценивающий, — и снова вернулся ко мне.

— Я думаю, нам всем стоит выпустить пар. Взять передышку. И продолжить разговор за обедом. Я прекрасно понимаю, что сейчас в ваших головах. Он хлопнул в ладоши — сухо, отрывисто, — и двери позади нас распахнулись. Вошел слуга. Тот же, что вёл нас сюда. Лицо — камень.

— Уведи их в покои. Стража будет стоять на этаже.

Нас снова куда-то повели. Роб не выпускал моей руки. Я чувствовала, как напряжены его пальцы, как дрожит жилка на запястье. Ему хотелось ударить. Ему хотелось рвануть, сломать, защитить. Но он молчал. Потому что понимал не хуже меня: героизм сейчас — самоубийство. Длинный коридор. Лестница вверх. Ещё поворот. Мы шли, и шаги гудели под каменными сводами, и чем дальше мы уходили от тронного зала, тем тише становилось вокруг — но не спокойнее. Комната, куда нас привели, оказалась небольшой. Письменный стол у стены. Большая кровать с тяжёлым балдахинем. Высокое окно, затянутое занавесками, — свет едва пробивался сквозь плотную ткань. Каменные стены без единого украшения. Ничего лишнего. Келья. Клетка. Как ни назови — суть одна. Дверь за нами закрылась. Замок щелкнул — тихо. Тот самый звук, с которым Роб притворил дверь нашего дома, чтобы не напугать маму. Но тогда мы уходили на свободу. А теперь этот щелчок прозвучал снаружи. Заперто. Мы внутри.

Роб врезал кулаком по двери. Тяжёлый, глухой звук прокатился по комнате, и створка дрогнула в петлях. Я вздрогнула — не от грохота, а от того, кто его произвел. Роб никогда не бил по дверям. Никогда. Он замер, прижав кулак к дереву, потом медленно разжал пальцы. Я видела, как напряглась и опала жила на его предплечье — вместе с дыханием, которое он выпустил сквозь зубы. Я отвернулась. Подошла к окну. Отодвинула плотную занавеску. В лицо пахло холодом от камня. Окно было высоко. Внизу лежал внутренний двор: серый, колодезный сруб чёрным пятном, пустая телега у стены. Две крошечные фигурки пересекали двор по диагонали — не разобрать, солдаты и слуги. Ворота в дальнем конце были распахнуты, за ними темнела арка. Никакого движения, кроме этих двоих. Никакого звука, кроме ветра, задувающего в щели рамы. Позади скрипнула кровать — Роб сел.

— Итак, — сказал он негромко, — что мы имеем.

Я смотрела на двор, на серый камень, на чужое небо.

— Мы не смогли пройти через магическую стену назад. Они обвиняют Хелу в убийстве.

— И, кажется, я обладаю магией, — закончила я за него, всё ещё не оборачиваясь и не веря в этот бред.

— Да, — выдохнул он с досадой
Я отпустила занавеску. Повернулась.

— А ещё, кажется, у меня есть бабушка. Я должна ее увидеть. Может, она расскажет что-то... новое.

Роб поднял голову. Свет из окна упал ему на скулу, высветил щетину — уже не утреннюю, а вечернюю, колючую.

— А может, это всё ложь, — сказал он. — Может, эта бабушка — не бабушка тебе вовсе. Я замерла на полуслове.

— Верно, — произнесла медленно.

Подошла к кровати. Опустилась рядом с ним. Взяла его руку — костяшки разбиты, на среднем пальце ссадина, — переплела свои пальцы с его. Ладонь была горячей. Живой.

— Мы справимся, — сказала я. Это не было обещанием. Это было решение. — Я не верю, что мама могла кого-то убить.

Он смотрел на наши руки.

— Может, их магия и реальна. Но в это я тоже не верю.

Мы замолчали. Тишина дышала. Ветер посвистывал в щелях рамы. Сердце Роба билось ровно и упрямо — я чувствовала его через ладонь. Мы просидели так долго. Строили теории — одну безумнее другой. Говорили вполголоса, иногда перебивая, иногда замолкая на полуслове. Он хмурился, потёр переносицу. Я поджала под себя ноги и теребила шнурок на кроссовке. В комнате было холодно — каменный холод, застоявшийся, — но я почти не замечала его. Мы были живы. Мы были вместе. И никто из нас не собирался сдаваться. Прошло, наверное, часа два, прежде чем дверь открылась. На пороге стояла служанка. Темное платье до щиколоток, собранные в узел волосы. Она не смотрела в глаза.

— Прошу пройти в обеденный зал, — сказала она бесцветно. — Король ожидает.

Роб поднялся первым. Подал мне руку, и я встала — медленно, потому что ноги затекли от долгого сидения на жестком матрасе. Мы вышли в коридор. Стража стояла вдоль стен через равные промежутки — плечо к плечу с каменной кладкой. Никто не повернул головы. Никто не проводил нас взглядом. Мы спустились по лестнице на первый этаж. Здесь стены были толще, арки тяжелее. Камень — везде камень: серый, холодный, кое-где тронутый зеленоватой сыростью. Вдоль прохода горели факелы, но не чадили — пламя держалось ровно, без дыма, и это было не правильнее всего. Магия. Она здесь в каждой мелочи. Служанка вывела нас через боковую дверь во внутренний двор — тот самый, что я рассматривала из окна, только теперь он был не картинкой в раме, а объёмным, шумным, пропахшим жизнью пространством. Здесь былолюдно. Слуги таскали тюки, конюх скрёб лошадь у стены, две женщины в закатанных по локоть рукавах перебирали зелень за длинным столом. Пахло разогретым на солнце камнем, сухими травами и чем-то железным — не кровью, а раскаленным металлом, который только что достали из горна. Я услышала его раньше, чем увидела: ритмичный, низкий гул. Не ветер. Не голоса. Что-то глубже, что отдавалось в груди, как басовая струна.

— Что это? — тихо спросила я, оглядываясь.

Роб не услышал. Он смотрел в другую сторону. Но служанка обернулась, проследила за моим взглядом и пожала плечами — как будто я спросила её, почему небо синее.

— Кузнечный горн. Магическая руда. Гул стоит, когда мастер добавляет эльфийскую сталь в сплав. На нижнем ярусе цитадели кузница. Привыкнете.

Я не была уверена, что когда-нибудь к такому привыкну. Гул шёл сквозь землю, сквозь подошвы кроссовок, сквозь кости. Мы двинулись дальше. У колодца стояли две девчонки — лет по двенадцать, не больше. Одна держала ведро, вторая водила над водой ладонью, и вода в ведре крутилась — медленно, послушно, разгоняясь в маленький водоворот. Старшая что-то

сказала ей — я не разобрала слов, — и водоворот опал. Девчонки подхватили ведро и понесли его прочь, хихикая. Никто, кроме меня, не смотрел на них. Я перевела взгляд на арку в дальнем конце двора. Над ней вился плющ, густой и старый, ствол у основания толщиной в мою руку. Под аркой стоял стражник. Мимо него сновали люди — кто-то тащил корзину с яблоками, кто-то нёс переметные сумки. Обычный день. Обычная жизнь. Как будто нас не выдернули из нашего мира два часа назад.

— Идем, — сказал Роб, касаясь моего локтя.

Я кивнула и пошла за служанкой — сквозь арку, в короткий проход, а оттуда в раскрытые двери обеденного зала. Зал был большим. Не таким огромным, как тронный, но всё равно — с высоким сводчатым потолком и узкими окнами, за которыми уже темнело. Вдоль стены стоял буфет — темное дерево, резные дверцы, медные ручки. В центре зала — овальный стол из дуба, такой тяжёлый на вид, что, казалось, пол под ним просел за столетия.

Во главе сидел Аркан.

— Присаживайтесь, — сказал он.

Мы сели рядом, плечом к плечу. Служанка налила нам бульону из костяной супницы — густой, янтарный, пар от него поднимался пряный и мясной. Рядом стояли блюда с зеленью, жаркое в биточках, графины с темно-рубиновым морсом. Она наполнила стаканы и вышла. Мы остались одни.

— Как именно моя мать убила вашу жену? — спросила я.

Аркан разрезал мясо на тарелке. Нож двигался плавно, без нажима.

— Я не знаю, какое именно заклятие она применила. Чёрная магия — неизвестная материя. Даже самые древние из наших ковен не заходят так далеко.

Кровь отлила от моего лица. Я почувствовала это — медленный, тягучий холод, стекающий от щек к шее. Нет, это бред. Это точно бред.

— То, что осталось от Арадиш, — продолжил он, не поднимая глаз, — было отвратительно.

Это не про маму. Он лжёт.

— Почему вы решили, что это сделала Хела? — спросил Роб. Голос его был ровным, но я слышала, как он давит на каждое слово.

— Это был Самайн. Они с Хелой отправились к алтарю — принести подношения предкам и Диане. После этого мы нашли тело Арадиш. А Хела сбежала.

— Я ничего не понимаю, — фыркнул Роб. — Что такое Самайн? Кто такая Диана?

Я ответила, не успев подумать:

— Самайн — праздник мёртвых. Некоторые верят, что в этот период истончается грань между мирами.

Роб повернул голову и посмотрел на меня — удивленно, вопросительно. Я пожала плечами.

— Мама жила по этому календарю. Я думала, это просто её странности. Ну, знаешь — руны, Таро, свечи, травы, медитации. В её духе.

Аркан засмеялся. Смех был лёгким, почти тёплым, и от этого мне стало уютнее, чем от любой угрозы.

— Трудно оставить этот мир, — сказал он. — Он часть её.

Я сидела и смотрела в тарелку. Бульон остывал, затягиваясь тонкой пленкой жира. В голове было пусто и гулко, как в брошенном доме. Мозг перезагрузился и больше не пытался складывать картинку. Я просто сидела и думала о маме. О том, как она зажигала свечи в октябре. Как чертила пальцем круг на столешнице — быстро, привычно, не глядя. Я думала — это тревожность. Ритуалы, чтобы успокоиться. А теперь...

Двери распахнулись. Вошёл Аластор. Не спеша. Лениво переставляя ноги. Он скользнул по мне взглядом — так скользят пальцем по горлу, не нажимая, — и сел недалеко от отца. Служанка возникла из тени у стены.

— Принеси мне кофе, — бросил он, не глядя на неё.

Я смотрела на Аркана.

— Какой магией я обладаю?

Он отложил нож.

— Стихийная магия. Вода, воздух, земля, огонь, и мое любимое эфир. Твоей семье подчиняются все стихии природы. Я уставилась на него, не в силах произнести ни слова.

— Ваш род — единственный, кому подвластны все пять, — продолжил он.

— Поэтому ты ещё не в темнице, — сухо закончил Аластор и отхлебнул кофе.

Я перевела дыхание.

— Я могу увидеть свою бабушку?

— Да, пожалуйста. — Аркан развел руками. — Если от тебя не будет проблем, вы сможете свободно передвигаться по цитадели и даже за её пределами.

— Я не понимаю вас, — сказал Роб.

Аркан перевёл взгляд на него. Медленно.

— А ты хочешь, чтобы я посадил её на цепь? — Пауза. Он не ждал ответа. — Я даю тебе свободу в рамках этих земель. Ты сможешь обучиться своей магии. Ты хоть представляешь, какой дар можешь в себе раскрыть?

Я слушала Аркана, но кожей чувствовала взгляд Аластора. Вот кого стоит опасаться.

— Для чего вам этот дар? — спросила я.

— Барьер, что был создан три века назад, спас нас от геноцида, который творили люди. — Аркан откинулся на спинку стула. — Но сейчас этих территорий не хватает. Мы ведём войны с эльфами за место под солнцем. Иметь стихийницу, способную поглотить эфиром целое войско, было бы... славно.

Эльфы. Эфир. Войны. Я перестала пытаться уместить это в голове.

— Итак, — Аркан поднял стакан с морсом, — условия простые. Ты пройдешь обучение и перейдёшь на службу короне.

— А если я не захочу вам служить?

Лицо Аластора изменилось мгновенно. Скулы заострились, желваки проступили. Он не сказал ни слова.

— Тогда темница действительно выбьет из тебя непокорность, — спокойно ответил Аркан.

— Хватит, — рявкнул Роб.

Аркан ударил по столу. Сильно. Несдержанно. Звук вышел такой, будто треснул камень. Я вздрогнула всем телом. Роб замер. Не застыл — окаменел. Плечи зафиксировались в полуобороте, пальцы скрючились на краю стола, лицо превратилось в маску. Глаза остались открытыми, но пустыми — стеклянными.

— Роб? — позвала я. Голос сорвался на шепот.

Он не ответил. Не моргнул. Я перевела взгляд на Аркана и почувствовала, как желудок сжимается в ледяной комок.

— Если к вам здесь хорошо относятся, — произнес король, и каждое слово падало тяжело, — это не означает, что вы можете хамить. И раскрывать свой рот.

На долю секунды я увидела, как Аластор улыбнулся. Не усмехнулся — оскалился. Зубы блеснули в свете свечей и тут же исчезли. Он спрятал улыбку быстро, но я успела заметить.

— Пожалуйста, — выдохнула я. Голос был тихим, почти детским. Я смотрела то на Роба — неподвижного, пустого, — то на Аркана, и не знала, кого боюсь больше.

Аркан поднял на меня глаза. Холодные. Спокойные.

— Я превращу вашу жизнь в ад, если ещё раз услышу подобный тон. — Он не повысил голоса. — Я простил тебе смерть своей жены. Не надо думать, что в моем доме вы будете общаться на своих условиях.

Я не могла оторвать взгляд от Роба. И вдруг его тело ожило — разом, толчком. Он заморгал. Плечи опустились. Грудь вздымалась часто, неровно. Он сжал кулаки с такой силой, что костяшки побелели. Я положила свою руку на его и начала гладить — медленно, успокаивающе, чувствуя, как под моими пальцами дрожат его сухожилия. Я видела, какая буря у него в глазах. Он был зол. Не на Аркана — на себя. На свою беспомощность. На то, что его только что превратили в статую, как щенка, которого ткнули носом в лужу. Вошли слуги. Неслышно, быстро, глядя в пол. На столе одна за другой появлялись чашки — тонкий фарфор, почти прозрачный в свете свечей. Фрукты, нарезанные аккуратными дольками. Сладости, посыпанные сахарной пудрой. От чайника шел густой, тёплый аромат — меласса и мята, успокаивающие травы, которые здесь, в этом зале, казались издевкой. Аркан проводил слуг взглядом и снова заговорил. Теперь его тон был деловым, почти будничным — как будто ничего не произошло.

— Завтра за тобой придёт Моргауза. Её стихия — огонь. С неё ты начнешь обучение. Он отпил из чашки и продолжил:

— Азру я тоже освобожу от работы в прачечной. Она научит тебя эфиру.

На секунду в его голосе мелькнуло что-то похожее на досаду.

— Как бы мне ни хотелось этого признавать, но больше людей, обладающих этой стихией, у меня нет.

— Что такое эфир? — спросила я.

Он задумался. Повернул голову к окну — туда, где за тёмным стеклом угадывались очертания гор. Потом снова посмотрел на меня.

— Эфир — это субстанция, отделяющая наш мир от астрального. Густой. Вязкий, как мёд. В нём живут души и чистая магия. Наш барьер когда-то соткали из магии эфира.

Я смотрела на него и видела: он хочет этот дар. Не просто хочет — желает. Смотрит на меня и уже прикидывает, как будет использовать то, что ему не принадлежит. И если во мне и правда есть эта магия — он получит ее. Потому что я в его власти. Потому что мы пленники. Как бы мне ни хотелось это отрицать.

— Аластор.

Принц чуть повернул голову — ровно настолько, чтобы показать, что он слышит. Не больше.

— Ты будешь обучать её боевой магии. Только тебе я могу это доверить.

— Как скажешь, отец, — процедил Аластор сквозь зубы, не глядя на него.

Я поймала взгляд Аркана и, кажется, он прочитал в моих глазах немой вопрос. Почему он? Зачем?

— Аластор невероятно сильный маг, этого у него не отнять. Он обучался у лучших с самого рождения. — Пауза. Он явно наслаждался тем, что собирался произнести. — И не постесняюсь похвастаться: в его жилах течет кровь самого Люцифера.

Я сглотнула. Не от страха — от ужаса. Такого, какого никогда не испытывала. Ужаса древнего, иррационального, поднимающегося откуда-то изнутри. Люцифер. Дьявол. Сатана. Не метафора, не легенда — реальность, которая сидит сейчас в расслабленной позе в трёх шагах от меня. А король продолжал — смакуя каждое слово:

— Да. Того самого. Род моей жены брал начало от самой богини Дианы. Она подарила Люциферу детей. Так что мой потомок просто не мог не взять такого величия. Мое наследие

Я перевела взгляд на Аластора. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и, кажется, даже не слушал. Поза расслабленная, ленивая. Пальцы небрежно обхватывали чашку с кофе. На лице — ничего. Скука. Лёгкое презрение. Как будто отец рассказывал не о его божествен-

ном происхождении, а о надоевшей семейной истории, которую он слышал тысячу раз. И это пугало больше, чем его ярость. Оставшуюся часть ужина Аркан говорил. Мы слушали. Он объяснил, что барьер нам не пройти. Что границ его не найти. Что магический лес — запретная зона: выходов оттуда нет, зато есть те, кто лишит нас жизни быстрее, чем мы успеем пожалеть о своей глупости. Аластор наклонился к отцу, что-то шепнул — тихо, одними губами, — и вышел. Я проводила его взглядом до двери. Слишком плавная походка. Слишком расслабленная. Так уходят хищники, которые знают: добыча никуда не денется. Роб за весь ужин не произнес ни слова. Он сидел, глядя в одну точку, и я чувствовала ярость, что хлопотала в нём без выхода. Я понимала его. Мне и самой хотелось кричать. Но я старалась отвечать на вопросы и задавать свои, просто чтобы хоть немного разрядить воздух. Чтобы тишина не стала совсем невыносимой.

— Я могу рассчитывать на то, что проблем вы не создадите? — спросил король.

— Да, — выпалила я так быстро, что Роб не успел вставить ни слова.

Аркан чуть склонил голову. Уголок его рта дрогнул.

— Хорошо. Слуга отведет вас в покои. Запоминайте, где они находятся. Думаю, мы договорились: ни к чему, чтобы за вами по пятам ходила стража. — Он помолчал. — Ты должна принять свою суть и обучаться магии в гармонии с собой.

Я кивнула. В горле пересохло. Служанка вывела нас обратно. Я шла и считала повороты, стараясь запомнить каждую лестницу, каждую арку, каждую дверь. Она показывала всё по пути: омывальню (как странно звучит это слово здесь, в каменных коридорах, где факелы не чадят), отхожие места, прачечную, малую столовую, источник с питьевой водой, библиотеку, тренировочный зал.

— Алтари находятся... — начала она, переводя взгляд с меня на Робба, словно прикидывая, стоит ли продолжать. — Впрочем, это не важно. Когда решите, кому из богов служите, тогда выберете свой алтарь.

Я промолчала, но про себя уже знала: Диане служить не буду. Ни за что. Перед глазами вставали образы: Люцифер, Аластор, мать и Арадия, которые делали подношения этой богине. Одна из них погибла. Всё это навевало лишь жуть. Мы поднялись в спальню. На столе стоял графин с водой, два бокала и вазочка с орешками — простыми, в соли, пахнущими чуть прогорклым маслом.

— Как мило, — бросил Роб, глядя на этот натюрморт так, будто перед ним была личная насмешка судьбы.

За окном стало совсем темно. Я смотрела на чёрное небо и понимала: вряд ли мы сегодня уснём. Слишком много всего. Слишком громко колотится сердце. Но одно хорошее всё-таки было. Нас не заперли. Уже победа.

Глава 5

Я забралась на Роба под утро.

Он спросонья улыбнулся, поймал мои губы своими, но через секунду отстранился, оглядел комнату — каменные стены, чужой балдахин, серый свет из окна — и покачал головой.

— Нет, милая. Не здесь.

— Может, мы тут навечно, — прошептала я и снова поцеловала его. В губы. В шею. В ямочку между ключицами.

— Ты говоришь ужасные вещи.

Но я знала, что делаю. Я успокаивала его так — давая понять, что наша любовь реальнее, чем весь этот мир. Что бы ни случилось за дверью этой комнаты, здесь — мы. Настоящие. Живые. Он был моим домом, и я хотела, чтобы он помнил это. Он отвечал на поцелуи, и на какое-то время мы перестали существовать для этого мира. Позже мы просто лежали в кровати. Я водила пальцами по его животу, трепала влажные после сна волосы. Его дыхание было ровным, но я знала: внутри — буря.

— Ещё один день, — сказал он тихо, — где меня будут тыкать и тыкать в то, что я здесь никто.

— Не говори так, Роб. Мы найдём выход. Просто сейчас важно показать, что мы соблюдаем правила. — Я приподнялась на локте и заглянула ему в глаза. — Я не считаю тебя слабым. И себя тоже. Но эти обстоятельства выше нас.

Он помолчал.

— Я знаю. Я пытаюсь держать себя в руках. Но чувствовать себя никем... это поганое чувство.

Я продолжала гладить его — медленно, успокаивающе. Он был тем, кто держал меня на плаву. Даже здесь. Даже сейчас. И я хотела, чтобы он знал: я тоже его держу.

— Я пойду в душ. Ты со мной? — спросила я, выбираясь из-под одеяла.

— Не хочу спускаться в их умывальни. Что это ещё такое? — фыркнула я, натягивая ночную рубашку, которую после вечернего ужина обнаружила в шкафу вместе с остальной одеждой.

Роб улыбнулся — впервые за утро.

— Думаю, что-то вроде сауны или бани.

— Поняла. Ну, я лучше в душ. Ты со мной?

— Я еще поваляюсь.

В коридоре было тихо. Солнце только вставало, и свет, просачиваясь сквозь высокие окна, ложился на каменный пол длинными золотыми полосами. Цитадель ещё спала. Я нашла душевую и замерла на пороге. Комната утопала в зелени. На полу стояли большие горшки с высокими растениями, лианы вились по стенам, и среди этого серого, вечного камня живая зелень казалась чудом. Я сняла ночную рубашку, та мягко упала на пол, и шагнула за стеклянную расписную стену. Краны крутились туго, со скрипом. Вода обрушилась не сразу — сначала холодная, до дрожи, до мурашек по всему телу. Я охнула, но уже через несколько секунд пошла горячая. Пар поднимался к сводчатому потолку. Тело, которое до этого ныло от усталости и напряжения, будто перерождилось. По светлым волосам потекла пена, и разнесся запах сандала — тёплый, древесный, чужой. Не мой. Но пахло хорошо. Я вышла из душа, завернулась в полотенце — большое, мягкое, совсем не такое, какими пользовались мы с Робом в отелях. Подошла к зеркалу в золотой раме. Зелень вокруг блестела от влаги, капли стекали по рукописному стеклу.

И в отражении я увидела его. Аластор стоял в проходе. В одних шортах. Без футболки. Заспанный. Его тело было идеально отточено — широкие плечи, рельефный пресс, — и всё оно было покрыто татуировками. Руны. Они покрывали грудь, плечи, уходили вниз по животу и терялись под тканью шорт. Чёрные линии складывались в узор, которого я не понимала,

но от одного взгляда на него у меня заныло где-то под рёбрами. Наши взгляды столкнулись в отражении.

— Что ты делаешь в моей душевой?

Я закрыла глаза. Сделала вдох. Открыла снова. Сердце колотилось так, что его, наверное, было слышно сквозь стены.

— Я... — Его глаза, синие, цвета северного моря, сверлили меня. — Я, наверное, перепутала комнаты. Служанка вчера показывала, и кажется, я...

Голос сорвался. Я не знаю, почему так реагирую. Мысль о том, что он потомок Люцифера, ещё не отпустила меня. Страх впился под кожу ледяными иглами.

— Извини. Я запомню, где находится другая душевая.

Я попыталась пройти, но он всё ещё стоял в проходе. Загоразживал выход. Воздух между нами стал плотным, как вода.

— Это моё полотенце, — сказал он.

— Значит, возьмешь другое. Их тут несколько. Или ты предлагаешь мне снять это? — Я вздернула подбородок.

— Да. Снимай с себя мое полотенце.

Он произнёс это ровно, без усмешки, без игривой интонации. Вполне серьёзно. Так, будто имел полное право.

— Размечтался. — Я почувствовала, как внутри закипает злость. Та самая, что помогала не сломаться. — Наглый урод. Пришёл коимарить девчонку? Не дождёмся.

Я оттолкнула его — ладонями в грудь, твердую, горячую, — и пошла прочь. Каждый шаг отдавался пульсом в висках.

— Эй. Забери свою ночнушку.

Я остановилась. Рыкнула сквозь зубы. Развернулась, схватила ночную рубашку с пола и пошла прочь. Босиком по каменным плитам. Прочь от него. Прочь от этих синих глаз. Мерзкий. Напыщенный индюк. Видеть его не могу. Я шла по коридору и злилась. Кажется, Аластор решил, что я — виновница всех его бед. Будто мне есть дело до того, кто убил его мать. Пусть сначала предъявит доказательства, а потом обвиняет мою. Я не дам ему себя обидеть. Не дождётся. Злая, я дернула ручку и влетела в комнату. Роб стоял у окна, а у стола служанка выкладывала завтрак с подноса.

— Доброе утро. Король обычно завтракает позже, поэтому я решила подать вам завтрак в комнату.

Она выставляла яйца, бекон, фрукты, и последним — кофейник. Аромат поплыл по комнате: кофе, бадьян, корица. Тёплый, пряный, почти домашний.

— Да, доброе утро... Так даже лучше, спасибо, — сказала я и, когда служанка уже взялась за ручку двери, окликнула: — Как вас зовут?

— Вега.

— Меня зовут Никс, а моего парня — Роберт.

Она кивнула — мягко, почти неувидимо — и вышла. Мы сели завтракать. Я рассказывала, как перепутала душевые и как принц был недоволен. Роб хмыкнул:

— О боже, ты воспользовалась его полотенцем. Требую твою голову на пикю. — Он откусил кусок бекона. — Кажется, он просто обиженный пацан.

— Мы поговорим с Азрой. Узнаем, что она знает о том, как умерла их королева. Не думаю, что мама была замешана в этом.

После завтрака я еще раз перебрала шкаф. Брюки, футболки, рубашки, пара платьев, нижнее бельё, полотенца — всё необходимое лежало на полках. Никаких излишеств. Тёмные тона, простые ткани. Совершенно не в нашем стиле. Но сейчас это волновало меня меньше всего. Я надела тёмные брюки — явно льняные, легкие — и приталенную рубашку цвета хаки. Застегнула последнюю пуговицу. В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Роб.

В комнату вошла девушка лет тридцати. Волосы — светлее моих — заплетены в две косы. Глаза карие, почти чёрные. Ростом чуть выше меня. Двигалась она плавно, как вода.

— Привет. Я Моргауза. Аркан поручил мне забрать тебя на обучение. — Голос у неё оказался красивым, грудным, с мягкими переливами.

— А я Никс. Это Роб. Да, я готова.

— Я могу с вами пойти? — спросил Роб.

Моргауза перевела на него оценивающий взгляд. Потом посмотрела на меня. Потом снова на него.

— Хорошо. Только ты там не мешай, пожалуйста.

— Договорились.

Мы спустились на второй этаж и зашли в библиотеку. Моргауза прошла вдоль стеллажей — она была огромной, эта библиотека, с высокими сводчатыми потолками и запахом старой бумаги и воска. Моргауза думала, выбирала, скользила пальцами по корешкам. Наконец достала три увесистые старинные книги и передала их Робу.

— Думаю, начнём с них. Для первого раза достаточно.

Я смотрела на эти три талмуда и понимала: за сегодня я их точно не осилю. Мы вышли за пределы цитадели. Прошли дворы — те самые, что я вчера разглядывала из окна. Кузницу, откуда до сих пор доносился низкий, ухающий гул. Мельницу с лениво вращающимися лопастями. И оказались на поляне, сразу за которой стеной вставал лес.

— А тут разве не опасно? — спросила я, взглядываясь в темную зелень.

Моргауза посмотрела в сторону леса. Ветер тронул её светлые косы.

— Аркан вас напугал, да?

Я кивнула.

— Там действительно встречаются страшные вещи. Но не надо думать, что стоит тебе туда пойти, как тебя сожрут лешие и прочая нечисть. — Она чуть улыбнулась. — Если к лесу относиться уважительно, он будет оберегать тебя.

— Лес? — переспросил Роб, прижимая к груди три талмуда.

— Да, мой дорогой. Лес. — Моргауза перевела на него взгляд. — Вы ещё не можете принять, где находитесь?

— Это тяжело, — сказала я.

Она лишь кивнула.

— Я научу тебя отдавать дань богам прежде, чем мы начнём. Мы попросим их благословения.

Моргауза начала вытаскивать из своего рюкзака свечи, пучки трав, кристаллы и параллельно рассказывала:

— Нашей стихийной магии покровительствует Великая Мать. Она — душа природы.

Она расстелила на траве пергамент. Зажгла свечи — зеленые, цвета леса. Подожгла пучок трав, и в воздухе разносились запахи шалфея, рябины, розмарина. Я знала их. Знала эти травы. В нашем доме они были постоянно. Мама окуривала ими углы, когда тревожилась особенно сильно. Тогда я думала — просто ритуал. Теперь понимала — другое. Моргауза вытащила из сумки молоко и мёд, поставила на пергамент и заговорила:

— Мать Великая, прими скромные дары. Благослови свою слугу Никс, дай ей силу свою, не отними её энергию.

Роб стоял в стороне и смотрел на Моргаузу во все глаза. Он не понимал, что происходит. Я сама не до конца понимала. Но внутри меня поднимался жар. Он сменялся холодом. И было чувство — странное, незнакомое, — будто я на секунду стала всесильной.

— Подойди сюда.

Я встала на колени перед пергаментом. Моргауза кольнула мне палец — короткая, острая боль, — выступила капля крови. Она нанесла её на пергамент. Я повторяла за ней слова. Язык был чужим, но губы шевелились сами, будто помнили то, чего не помнила я. Тёплый ветер тронул лицо. Лёгкие тучки, что висели в небе, расступились, и вышло солнце. А потом у края леса я увидела оленя. Он стоял неподвижно и смотрел прямо на меня. Я не знаю почему, но я поклонилась ему.

— Всё правильно, девочка, — тихо сказала Моргауза. — Богиня пришла. Великая Мать принимает тебя на свою службу.

Я поднялась с колен и чувствовала: легкость, силу, энергию — всё разом. Как будто кто-то открыл во мне дверь, о существовании которой я не догадывалась.

— Но это лишь первый шаг. Магия — не слова, Никс. Магия — это тело. Его нужно научить дышать стихией.

Она кивнула на талмуды, которые Роб всё ещё прижимал к груди.

— Теория и практика идут рука об руку. В этих книгах — bestiарий стихийных духов, трактат по энергетическому строению тела и гримуар с заклинаниями для начинающих. Будешь читать понемногу. Особенно вот этот, — она коснулась самого ветхого фолианта, — он на латыни.

Я кивнула.

— Вот и хорошо. Латынь — язык заклинаний. Чем лучше ты её понимаешь, тем точнее будет твоя магия.

Роб молча опустил книги на траву. Я видела, как он напряжен: всё, что происходило, было за пределами его понимания, но он держался. Просто был рядом.

— А теперь, — Моргауза повернулась ко мне, — начнём с самого простого. Разуйся.

Я сняла обувь. Трава под ступнями оказалась прохладной и влажной.

— Ближайшие недели обувь не носи. Тело должно стать одним целым с природой, слышать её без посредников. Кожа — твой первый проводник.

Она опустилась на траву и жестом пригласила меня сесть напротив.

— Закрой глаза.

Я закрыла. Ветер тронул лицо — мягко, почти вопросительно.

— Почувствуй вес своего тела, — голос Моргаузы звучал тише, будто отодвинулся. — Почувствуй, как земля держит тебя. Она не просто под ногами — она твоя опора. Твоя стихия. Дыши ей.

Я слушала. Тишина стала глубже.

— Представь, как через ступни в тебя входит сила Земли — спокойная, темная, прохладная. Она поднимается по ногам, по позвоночнику. Заполняет тебя до макушки.

Я дышала. Сначала ничего не было — только ветер и собственное сердце, колотится где-то в горле. А потом... Тепло. Оно родилось не снаружи. Изнутри. Откуда-то из центра живота — глубинное, дремлющее. Оно шевельнулось, как просыпающееся животное, и медленно, осторожно стало разливаться по телу. Пальцы закололо. Я не шевелилась — боялась спугнуть. Вдох. Выдох. Тепло поднялось выше, к груди.

— Хорошо, — голос Моргаузы доносился как сквозь толщу воды. — А теперь — Воздух. Почувствуй его кожей. Не думай о нём. Просто слушай.

Я услышала. Или нет — я ощутила. Ветер перестал быть просто движением воздуха. Он касался меня осмысленно. Волосы шевельнулись у виска, по рукам побежали мурашки, и я вдруг поняла, что сижу не на траве — я сижу внутри чего-то живого, дышащего. Мир вокруг не был фоном. Он был присутствием. А потом... Вспышка. Тёплый, золотистый свет пробился сквозь закрытые веки. Я распахнула глаза. Над моей раскрытой ладонью дрожал крошечный огонёк. Не свеча. Не искра. Маленький язычок пламени — размером с лепесток. Я смотрела на него, и всё внутри замерло. Он был живой. Он был мой. Время растянулось. Я не

слышала ни ветра, ни голосов — только этот беззвучный, трепещущий свет на ладони. Он ничего не требовал. Просто был. И я была. Впервые.

— Не испугалась, — произнесла Моргауза. Ее голос вернул меня обратно, но не до конца. — Уже хорошо. Твоя магия ждала, она сразу же пришла на твой зов

Я не могла дышать — не от страха, а от того, что дыхание казалось лишним, слишком громким для этого момента.

— Это *Scintilla*, — сказала она. — Искра. Самое малое, с чего начинается Огонь. А теперь...

Она накрыла мою ладонь своей. Пламя погасло — мягко, без сопротивления. Но тепло осталось.

— ...попробуем зажечь его снова. Только теперь — заклинанием. «*Arde*». Гори.

Я набрала воздуха. Закрыла глаза. Вспомнила то живое тепло в центре живота. И выдохнула.

— *Arde*.

Ничего. Я открыла глаза. Ладонь была пуста.

— Ещё раз, — спокойно сказала Моргауза. — Не торопись. Слово — не главное. Главное — намерение. Огонь слышит не голос, а волю.

Я попробовала снова. И снова. И снова. На пятый раз — когда я перестала стараться и просто вспомнила то первое чувство — над пальцами заплескал крошечный огонёк. Я выдохнула. Кажется, я смеялась — беззвучно, одними глазами.

Роб, сидящий на траве, смотрел настороженно, не веря в то что происходит — он смотрел на меня. Не на пламя. На меня.

— Этого не может быть — прошептал он.

— Знаю — ответила я.

И улыбнулась — впервые за долгое время. Моргауза дала мне ещё несколько минут, чтобы освоиться. А потом она достала большой пергамент и начала чертить круг. Потом ещё один. И начала вписывать в них символы.

— Каждая стихия имеет свой знак, свою сторону света, свой цвет, — объясняла она, и голос ее снова стал тем — плавным, глубоким.

Она показала:

Воздух — Восток, желтый, перо или дым. Огонь — Юг, красный, свеча или уголёк. Вода — Запад, синий, чаша или раковина. Земля — Север, зеленый, горсть земли или соли. И в самом центре — Эфир. Белый. Или фиолетовый. Место, где сходятся все стихии.

— Твой род, — Моргауза посмотрела мне прямо в глаза, — владеет всеми пятью. Но начинать всегда нужно с одной. Огонь — твоя первая стихия. Самая... громкая.

Я кивнула, не отрывая взгляда от пентакля, начерченного на земле.

— Любая сила в этом мире отнимает энергию, поэтому на сегодня мы закончим.

— Но во мне полно энергии, — запротестовала я.

— Тебе только так кажется. Больше медитируй, заземляйся, общайся с природой — она поможет тебе восполнять силы, а не забирать из твоих внутренних ресурсов. А теперь — домашнее задание. — Моргауза поднялась и протянула мне самый ветхий фолиант. — Прочитай первую главу. Найди в ней то, что уже знаешь. И завтра расскажешь мне, что ты из этого поняла.

Я прижала книгу к груди. Тяжёлая. Пахнувшая временем.

— Я всё прочитаю, — сказала я.

И это было обещание. Не ей — себе. Я была возбуждена, я не верила до конца, что это всё правда и что во мне действительно живет магия.

— Тебе нужна помощь с латынью? — сквозь мой собственный полог просочился голос ведьмы.

— Я думаю, справлюсь. — Моргауза посмотрела на меня вопросительно. — Я по профессии переводчик. Латынь, конечно, не была моим основным языком, но я ее изучала, она далась мне легко. Если нужна будет помощь — я обязательно обращусь к тебе.

И тут...Кровь. Кровь пошла из носа. Чёрт.Роб приложил свою руку к моему лбу и посмотрел на меня с тревогой.

— Не переживайте, это нормально. Я же говорила: магия отнимает силы. Ты научишься это контролировать. Идите, ей нужно отдохнуть. — Моргауза нашла платок у себя в сумке и передала мне.

Роб взял меня за руку, и мы пошли к себе.

— Голова не кружится? Как ты себя чувствуешь?

Роб держал меня за локоть — не потому что я падала, а потому что ему нужно было хоть что-то контролировать. На лице у него смешивались тревога и изумление, которое он сам себе до конца не разрешил.

— Лёгкое головокружение, — призналась я. — Но даже приятное. Опьяняющее. Как после глотка шампанского. Не волнуйся.

— Это было... удивительно. — Он выдохнул и покачал головой. — Я пока не верю в происходящее.

— Твоя магия быстро пробудилась, — сказала Моргауза, шагая рядом. — Ей хотелось дать выход.

Я перевела на неё взгляд.

— В обычном мире она не могла пробудиться?

— Нет. Барьер запечатал нашу магию в этом месте. Там, — она кивнула в сторону гор, туда, где осталась Калифорния, наш мир, наша жизнь, — она спала бы в тебе до самой смерти. А здесь проснулась за одно утро. Потому что может. Потому что её больше ничто не держит.

Я прижала книгу к груди. Пальцы всё ещё помнили тепло искры.

— Завтра мы еще немного поработаем с огнём, — продолжала Моргауза, — но больше пройдемся по теории. Ты должна знать наших богов, Никс. У магии есть цена. Если соблюдаешь правила — она берёт ровно столько, сколько ты готов отдать. Если нарушаешь — возьмёт втридорога.

Мы дошли до внутреннего двора. Всё тот же гул кузницы под ногами, тот же плющ над аркой. Солнце стояло высоко, тени стали короче и резче.

— Здесь я вас оставляю, — сказала Моргауза. — Отдыхай. Книгу не глотай за один присест. Первая глава — завтра расскажешь, что поняла.

Она ушла через арку — своей плавной, водяной походкой, — а я осталась стоять посреди двора, прижимая к себе ветхий фолиант, и чувствовала, как внутри всё поёт. Да, наше положение — хуже некуда. Мы в ловушке, в чужом мире, и над нами висит обвинение в убийстве. Но то, что жило во мне — спало, а теперь проснулось, — вызывало восторг. Чистый. Детский. Неподвластный обстоятельствам.

— Тебе нужно немного отдохнуть, — сказал Роб.

Я посмотрела на него щенячьими глазами.

— Я чувствую себя хорошо. Правда. — Пауза. — Я хочу увидеть Азру. Может, она расскажет то, чего не договаривает Аркан. Может, у неё есть ответы. Пожалуйста.

Роб вздохнул. Потом щелкнул меня по носу — легко, кончиком пальца.

— Надо узнать, где её найти.

Я оглядела двор. И увидела Вегу. Она шла от кухни с корзиной, полной трав — и собиралась скрыться в дверях малой столовой.

— Вега! — окликнула я.

Она обернулась. Узнала. Улыбнулась — едва заметно, уголками губ, но это была первая улыбка, которую я здесь увидела. Мы подошли ближе.

— Где найти Азру? — спросила я. — Мою... — я запнулась, слово застряло в горле. — Бабушку.

Вега задумалась на мгновение. Перехватила корзину поудобнее.

— Думаю, она в прачечной. Вам нужно пройти за оmyвальнойни, а там увидите.

Я кивнула. Честно говоря, я не запомнила, где эти оmyвальнойни. Но Роб уже взял меня за руку и повёл через двор, и оказалось, он помнит каждый поворот, каждую лестницу, каждую дверь. Мой ориентир. Мой компас.

Мы спустились по каменным ступеням, прошли узкий коридор, где эхо шагов металось между стен. Воздух стал влажным и тёплым.

— Кажется, мы пришли, — сказал Роб.

Он остановился и повернулся ко мне.

— Волнуешься?

— Да. Есть такое. — Я вытерла ладони о брюки. — Даже ладошки вспотели.

Он сжал мою руку — коротко, крепко, — и отпустил.

У входа в прачечную воздух был густым от пара. Из трубы над крышей поднимался белесый дым. Пахло чистотой, нагретым хлопком, чем-то едва уловимым — кажется, лавандой.

Мы вошли внутрь. Две женщины лет сорока закидывали в огромный чан постельное бельё. Одна из них подняла ладонь и произнесла спокойно, буднично:

— *Calor.*

Над чаном поднялся пар — густой, послушный.

— Девоньки, щелок закончился, — раздался голос из дальнего угла. — Попросите Луку принести.

Я повернулась на звук. Из-за стопок сложенного белья вышла женщина. Маленькая. Полненькая. Лет около семидесяти. Седые волосы собраны в тугий пучок — ни одной выбившейся пряди. Руки вытерла о передник, шагнула ближе — и я увидела её лицо. Мама. Она была очень на неё похожа.

Глава 6

Воздух в груди кончился. Она подняла голову и посмотрела на меня. Секунду — ничего. Просто смотрела. Я — на неё. Потом её руки взлетели к груди и прижались к сердцу.

— Ой, — сказала она тихо.

Я улыбнулась. У меня есть бабушка. От этой мысли заболело под рёбрами. Роб шагнул вперёд — просто чтобы быть рядом.

— Здравствуйте, вы Азра?

Она закивала, не отрывая от меня взгляда. Потом спохватилась, сдернула передник, бросила его на край чана — и пошла ко мне быстро, торопливо. Так ходят люди, которые боятся не успеть. Обняла крепко. Я почувствовала её рёбра под тонкой кофтой. Пахло от неё хлопком, лавандой, мылом. Она отстранилась, взяла моё лицо в горячие шершавые ладони, долго смотрела, вода большими пальцами по скулам, будто проверяла — настоящая ли. Глаза у неё были зелёные. Как у меня. Как у мамы. Выцветшие от времени. Ростом она оказалась чуть ниже.

— Наконец-то моя внучка пришла.

Голос дрогнул. Она перевела взгляд на Роба, посмотрела тепло — не спрашивая, кто он. Просто приняла.

— Меня зовут Никс. Здравствуйте.

— А меня Роберт.

Она улыбнулась — маминой улыбкой, мягкой, с морщинками в уголках.

— Ох, девочки. Я домой, мне пора. Что же это мы тут стоим? Пойдёмте, ребята, пойдёмте домой.

Она сняла с вешалки сухую кофту, искала ключи в кармане передника, хотя передник только что бросила. Суетилась. Торопилась. Я смотрела на нее и чувствовала, как внутри отпускает. Мы вышли за пределы цитадели и пошли в сторону барьера, в посад. Дорога заняла минут пятнадцать. Бабушка оглядывалась, расспрашивала: как попали сюда, как принял король, куда разместили. Домик её стоял в ряду таких же — старых, с остроконечными крышами. Дерево потемнело от времени, ставни выцвели. У крыльца рос розмарин — разлапистый куст, подвязанный бечевкой к колышку, чтобы не разваливался.

— Проходите, ребята, проходите.

Азра толкнула дверь, и мы переступили порог. В прихожей было светло. Солнце лилось через широкое, чисто вымытое окно без занавесок. Свет падал на деревянный пол, и половицы отливали мёдом. Пахло травами и нагретым деревом. Я сделала шаг. Под ногой скрипнуло. И тут же где-то в глубине дома скрипнуло в ответ. Я замерла. Роб тоже. Снова шаг. Снова скрип — уже ближе.

-Что это?- Вслушиваясь спросил Роб

— Дом, — кивнула бабушка, вешая кофту на крючок. — Старый уже. Разговаривает. Привыкнете.

Она говорила об этом так, будто речь шла о сквозняке или разошедшейся двери. Прихожая была маленькой. Справа — окно, слева — деревянная вешалка с крючками: соломенная шляпа с выгоревшей лентой, холщовая сумка. В углу — старые галоши с налипшей землей. На подоконнике лежал аметист — темно-фиолетовый, с белыми прожилками. Не для красоты. Просто грелся в луче. Мы прошли в коридор. Под потолком висели травы — пучки и связки: розмарин, шалфей, лаванда. Такие же мама вешала на кухне. Здесь их было больше. Они покачивались от сквозняка, и тени от листьев бежали по стенам. На стене висело колесо года — деревянный круг, выжженные руны, восемь спиц. Покрыто лаком. Мама рисовала такое же в блокноте. Я думала — просто рисует.

— Это бабушка твоей бабушки выжигала, — сказала Азра за моей спиной. — Ещё при первом короле. Видишь, край потемнел? Это от свечей. Каждый Самайн зажигали перед ним свечу, и воск капал на раму. Я тоже зажигаю.

Она говорила буднично, но я не могла оторвать взгляд от потемневшего дерева. Сколько поколений стояло перед этим кругом? Сколько рук касалось этих рун? В конце коридора стоял низкий дубовый столик — алтарь. Воздух вокруг него чуть подрагивал. Зеркало в раме, покрытой рунами, смотрело тёмным стеклом. Перед ним — две свечи, красная и зелёная, скрученные воском. стакан с молоком. Яблоко, разрезанная половинка. Пучок трав, перевязанный красной нитью. Всё стояло так, будто его только что поправили. Или будто оно само знало, где ему лежать. Я засмотрелась на зеркало. В нём отражался коридор, но глубже — словно за стеклом был ещё один слой дома.

— Это для духов, — сказала Азра. — Молоко — чтобы задобрить. Яблоко — подношение предкам. Травы я меняю каждое новолуние.

— И они... приходят? — спросил Роб.

— Ещё как. Только ты их не бойся. Они любопытные, но не злые. — Она чуть повысила голос, обращаясь к потолку: — Свои пришли, поняли? Свои. И вдруг я услышала:

— Наконец-то.

Голос — тихий, шелестящий, он шел отовсюду сразу. Половицы скрипнули где-то в глубине дома. Лёгкий холодок тронул плечо — мягко, почти ласково — и исчез. Роб вздрогнул и повернулся ко мне. Выражение его лица было растерянным, но не испуганным — скорее устало-пораженным.

— Я никогда к этому не привыкну.

— Мы вернёмся домой, — тихо ответила я.

И замолчала. Потому что внутри что-то сжалось. Оставить эту кухню. Этот запах. Эту магию. Больше никогда не зажечь искру на ладони. Я смотрела на Роба, на его спокойное, вопросительное лицо. Ради него. Ради него я уйду. Если смогу.

— Кто это сказал? — спросила я бабушку.

— Так, кьиш отсюда, — заворчала Азра куда-то в воздух. — Вы пугаете моих гостей. Кьиш, я сказала. А вы почему к Каю не пошли? — это уже в потолок.

Повернулась к нам — глаза смеются.

— Духи. Этот дом построили мои прапрабабушка с прапрадедушкой. И весь наш род так сюда и лезет. Любопытные.

— То есть духи — это... духи? — выдавил Роб.

— Ах, мальчик мой. Попал в такой мир без подготовки. Никс, ты ему ничего не рассказывала?

— Я сама ничего не знала.

Она обернулась, посмотрела на меня — сначала удивленно, потом с пониманием.

— Vola.

Посуда сама поплыла к столу. Миски, кружки, ложки — плавно, без спешки, будто их несли бережно. Роб проследил за ними взглядом и выдохнул. Мы прошли на кухню. Здесь было ещё светлее — стеклянная дверь в сад пропускала солнце. Посередине стоял старинный потертый стол. Столешиница выскоблена до гладкости, но кое-где видны следы ножа и круги от горячих мисок. С одной стороны — темный буфет с резными дверцами, с другой — кухонный гарнитур. Над плитой висела связка чеснока и пучок крапивы. За стеклянной дверью зеленел сад. Яблоня в цвету, вишня, кусты с мелкими листьями, самодельные теплички из старых оконных рам. На веревке сушились травы — бабушка, видимо, повесила утром. Азра уже хлопотала. Доставала из буфета тарелки с мелкими трещинками, но чистые, каждая на своём месте. Отрезала булочки, похожие на шаньги, поставила мёд в глиняной плошке. Бросила в заварник ромашку, чабрец, бадьян, палочку корицы. Двигалась быстро, но каждая вещь в её

руках ложилась точно — она не думала, что где лежит. Просто знала. Я смотрела на ее руки — маленькие, с набухшими суставами. Эти руки месили тесто, перебирали травы, зажигали свечи перед колесом года. Эти руки держали мою маму, когда та была маленькой. Я подошла к стене у буфета, где висели фотографии. Пока бабушка заваривала чай, я вглядывалась в лица. Молодая Азра — волосы собраны, но пара прядей выбилась. Рядом высокий, широкоплечий мужчина с добрым лицом. И две девочки. Я сразу узнала маму — стоит, прикусив губу.

— Это мама? — спросила я.

Азра подошла, заглянула через моё плечо.

— Да, милая.

— А вторая девочка?

Пауза. Тишина стала плотной.

— Это Игнис. Твоя тётя.

Я повернулась к ней

— У меня и тётя есть? А дедушка? Где он?

Она взяла платочек, вытерла глаза. Руки дрогнули.

— Андрас погиб. Эльфы. Он был великим магом, но их оказалось больше. Почти уж сорок лет как я без него.

Я обняла её. Она пахла лавандой, мылом и хлебом.

— Простите. Я не знала. Мама не рассказывала.

— Я так хотела тебя увидеть. И так боялась заново пережить те моменты.

Чайник засвистел. Она отстранилась, моргнула носом и пошла к плите.

— Ну, хватит слёз. Садитесь за стол.

Мы сели. Она разлила чай по кружкам — заварка тёмная, янтарная, пар поднимался пряный. Подвинула ко мне тарелку с медом. Я видела, как открывался и закрывался рот Азры. Она хотела спросить и не решалась, теребила платочек, то поднимая глаза, то опуская.

— Ты хочешь спросить про маму?

— Да, деточка. — Бабушка замерла. — Как она? Как она все эти годы?

— Она... — Ложечка звякнула о край чашки. Я мешала сахар дольше, чем нужно, просто чтобы занять руки. — Я думала, мама тревожная, а ...А она скрывает от меня целый мир. Запрещала из дома выходить. Я даже в школу пошла только в старших классах. У нас прям война была.... Я полностью погрузилась в свои мысли, вспоминала как мама душила меня, а я рвалась на волю. Не знала что сейчас еще про нее сказать. Роб положил руку на спинку моего стула. Не коснулся — просто оставил ладонь рядом с моим плечом.

— Но мама любила меня. Заботилась. Нам было хорошо вместе..Не знаю, что ещё сказать....

— Ох, милая, как вам тяжело пришлось. — Азра качала головой, и платочек в её пальцах скручивался всё туже. — И это только моя вина.

— Почему? — вырвалось у меня резче, чем я хотела.

— Андрас погиб, когда девочкам было девять и одиннадцать. Хела чуть постарше Игнис. — Она замолчала. А потом выдохнула — длинно, со стоном. — Андрас погиб, а вместе с ним и я. Я тоже умерла в тот день. Просто тело осталось ходить.

Я накрыла её руку своей. Пальцы у неё были холодные, несмотря на горячую чашку.

— Мои бедные девочки были предоставлены сами себе. Накормила, напоила — а на большее сил не было. Я и их утасила с собой в эту бездну. И теперь Хела... Это всё я.

— Бабушка...

Я смотрела на неё и не знала, что сказать. Сколько жестокости в этом мире. Бедная Азра — горе сломало её и передалось маме.

— Нет, милая моя, не говори ничего. Я должна была быть в первую очередь матерью. Случись это со мной сейчас, с моим жизненным опытом, я бы этого не допустила. — Она

прижала платочек к глазам, плечи дрогнули. — Видит Люцида, как я молюсь ей и прошу дать второй шанс. Разорвать этот круг.

Я гладила ее руку. Слова сейчас ничего не решат, не залечат ран. Но, может быть, моё присутствие даст ей надежду. Я и сама прослезилась. Вот уж не думала, что такие тайны встречу в своей семье. Азра высморкалась в платочек, шумно, по-домашнему, и сунула его в карман передника. Посидела ещё секунду, глядя в стол. Потом поднялась. Взяла остывший чайник, вылила заварку в кадку с геранью на подоконнике, сполоснула под рукомойником. Движения были медленные, но уверенные — она возвращалась. Достала из буфета свежую заварку, бросила в чайник, залила кипятком. По кухне потянуло чабрецом и бадьяном.

— Ну, — сказала она, ставя чайник на стол, — давайте-ка ещё по кружечке. И расскажите мне что-нибудь хорошее. Про вас двоих.

Роб откашлялся. Он рассказывал, как мы познакомились в институте, где учились, как провели последние дни на пляже. Голос у него был тёплый, но пальцы он сцепил в замок на коленях — побелевшие костяшки, напряженные сухожилия. Бабушка постепенно оттаивала, смотрела на нас с теплом. На колени Робу неожиданно запрыгнул кот. Роб вздрогнул — сильно, всем телом, — а потом выдохнул и засмеялся, поймав зверя ладонями.

— Никогда бы не подумала, что милый котик способен тебя напугать, — сказала я.

— Да, в этом мире я слабое звено. Скоро буду бояться собственной тени. — Он улыбнулся, но улыбка вышла кривая. Горькая. Пальцы замерли на кошачьей шерсти.

— Ой, да какое же ты слабое звено! — Бабушка всплеснула руками. — И красавец, и учёный, и силичи вон сколько!

— Да, но ваш король в одно мгновение превратил меня в статую. И угрожал Никс. А я даже ничего сделать не мог.

Он сказал это ровно. Почти буднично. Но его пальцы, только что гладившие кота, сжались в кулак на колене. Я видела, как побелели костяшки — до боли, до хруста. Он не жаловался. Он просто выложил это на стол, как выкладывают вещь, которую большие не можешь таскать в кармане.

— Отвратительно себя чувствую после этого.

— Милый мой мальчик, ты не переживай. Аркан, он... — Азра запнулась. — Знаете, как наш правитель — он очень уж не плох, но выгоды своей никогда не упустит. Ты на это внимания не обращай. У нас ведь бывает и такое, что магия через поколение перепрыгивает. Никто не знает, с кем это случится. Есть у нас те, кто без магии живет. И хорошо живёт. Вот сын моей соседки — казначей, между прочим, а магия ему не передалась. Такие люди важными государственными делами заведуют. Ты не думай, что ты тут лишний.

Я увидела, как Роб переменялся в лице. Сначала — недоверие. Брови сдвинуты, подбородок чуть приподнят, он смотрел на Азру так, будто проверял — не шутит ли она, не утешает ли. Потом что-то дрогнуло в уголках губ. Он выдохнул — длинно, глубоко, всем телом. Плечи опустились. Кулак на колене разжался. Пальцы легли на стол ладонью вниз — спокойно, открыто.

— Серьёзно? — Голос прозвучал глухо. Он прочистил горло, мотнул головой. — И такое бывает? Обалдеть. У меня пока нет слов.

Глаза его засветились. Не заискрились — засветились, изнутри, как зажигается свет в комнате, которую долго держали зашторенной. Я смотрела на него и не могла оторваться. Впервые за всё время здесь он стал похож на того Роба, которого я знаю в нашем мире.

— Я тебя познакомлю с Эзрой, — сказала бабушка. — Глядишь, король отступится от тебя, и будешь важным человеком.

Мы все засмеялись. И смех этот был настоящим. Первым за долгое время.

— Бабушка, — обратилась я к ней, и её лицо стало серьёзным. — Аркан обвинил маму в убийстве своей жены. Это же неправда?

Она посмотрела на меня внимательно, поджала губы.

— Нет, Хела не убивала Арадию. Я в этом уверена. — Она подбирала слова. — Тут надо знать, какой была Арадия. Она была чересчур уверена в себе. В своей силе, в своем наследии. Как я и сказала, только я виновата в том, что случилось с девочками.

Она замолчала. Пальцы рассеянно поглаживали край стола, будто искали там что-то, чего уже нет. В очаге потрескивал огонь — бабушка подбросила туда веточку розмарина, и по кухне потянуло смолянистым дымком с горьковатой сладостью. Розмарин для памяти. Я уже знала это.

— Хела дружила с Арадией, — продолжила она. — Не знаю уж, искренне та дружила с моей или оттого, что у нашего рода такой могущественный дар и ей это было на руку. Но она утянула её в тёмный ковен. Семья её поклонялась тёмному пантеону богов. О их наследии до сих пор говорят. Говорят, Люцифер общался с ними, они же его дети. — Она смотрела куда-то вдаль, сквозь стену, сквозь время.

У меня по телу ишли мурашки, волоски поднялись на руках. В углу кухни висел маленький бригиттов крест из тростника — я заметила его ещё раньше, но только теперь поняла, зачем он там.

— И ты думаешь, Арадия сама что-то плохое совершила, а маму обвинили, потому что это было удобно?

— Мне кажется, это могло бы быть правдой. В своих же детях греха не видишь. Я не знаю, какой Хелла была там, с ними, в ковене. Я не знаю, какой она была с ней. А вдруг её обида на меня, на судьбу так затмила ей разум, что... — Она не договорила, просто покачала головой.

— Как мы и думали, не всё так однозначно. А Аркану просто удобно запереть Никс у себя.

— Он сказал, что ты будешь обучать меня эфиру.

Бабушка улыбнулась, возвращаясь из своих воспоминаний. Что-то в её лице переменялось — разгладилась складка между бровей, потеплели глаза.

— Конечно буду, милая. Эфир — это сложная стихия. Я бы сказала, неподвластная. Но мы попробуем с ней договориться.

Она встала из-за стола и ушла вглубь дома. Её шаги стихли в коридоре, потом послышался скрип половиц — дом отозвался ей, как отзывается старый пёс на поступь хозяина. Где-то наверху тихо звякнули высушенные травы под потолком, хотя сквозняка не было. Бабушка вернулась с большой старинной книгой. Кожаный переплёт потрескался, страницы пожелтели, но корешок был цел — его берегли. Она положила книгу на стол передо мной.

— Это наш семейный гримуар. Ему уже несколько веков. Мы передаем его от женщины к женщине нашего рода. Теперь он твой.

Руки задрожали. Я ощутила мощь, тайну, трепет. Аккуратно прикоснулась к обложке — кожа была теплой, словно книга дышала. И на ней проступила надпись:

«Стрела находит тетиву. Ветер находит тростник. Нож входит в ножны. Ты пришла на пороге смерти года — и мои страницы раскрыты. Дыши, наследница Самайна».

— Жутко, — прошептала я. — Что это означает?

Бабушка не ответила сразу. Она провела ладонью над обложкой, не касаясь, и пламя свечи на алтаре в коридоре качнулось, хотя нас разделяла целая комната.

— Стрела без тетивы — просто палка. Тетива без стрелы — просто верёвка. Только вместе — оружие. Пауза. — Ветер находит тростник — и тот поёт. Без ветра он нем. Ты — ветер. Книга заговорит только с твоим дыханием.

Еще одна пауза. Я слышала, как за окном ветер трогает ветки вишни.

— А нож входит в ножны... Это значит, детка, что ты наконец-то дома. — Она помолчала. — Когда ты родилась, милая?

— Одиннадцатого ноября, — завороченно сказала я.

Бабушка поджала губы. Она смотрела на меня чуть дольше обычного и явно сделала какие-то выводы, но не спешила их озвучивать.

— Это что, плохо? — спросила я настороженно. — Или это предрассудки из-за того, что я скорпион? — Я засмеялась.

— Скорпион, значит, — сказала она. — Это знак трансформации, дитя. Смерти и возрождения. Ты родилась в месяц, когда природа умирает, чтобы уснуть до весны. Когда духи ходят среди нас. Когда граница истончается.

Я засмеялась.

— Если честно, не знаю, во что сейчас верить в этом мире. Но не думаю, что меня предопределяет дата рождения. Думаю, она означает лишь то, что за девять месяцев до этого мои родители хорошо повеселились.

Бабушка прыснула. Смех у неё оказался молодым, с хрипотцой — она явно не ожидала такого ответа. Я улыбнулась в ответ, и вдруг поймала себя на мысли, что вот так, за этим столом, с этой женщиной, мне впервые за долгое время спокойно.

— Роб, между прочим, тоже скорпион. Кстати, где он?

Я оглянулась и увидела, что он вышел в сад. Стеклопанная дверь была приоткрыта, теплый вечерний воздух тянулся в кухню. Роб стоял у яблони, рассматривал задний двор. Кажется, история бабушки о людях без магии вселила в него надежду. Я видела его ровную сильную спину и расслабленные плечи. Ветка цветущей яблони касалась его рукава, а он этого даже не замечал.

— Значит, вы два скорпиона, — мягко улыбнулась бабушка.

В дверь постучали. Бабушка вышла. С порога донёлся негромкий разговор. Она вернулась через минуту — лицо спокойное, но губы сжаты чуть плотнее, чем раньше.

— Стражник. Аркан приказал явиться в замок до наступления темноты.

Я надеялась остаться здесь.

— Нам столько еще нужно обсудить.

— Не переживай, милая. — Бабушка взяла меня за руку. Ладонь у неё была сухая и горячая. В этот момент вошёл Роб, и она продолжила, глядя на нас обоих: — Подыграть Аркану не значит проиграть. Не идите против его воли, и он будет благосклонен. Уж поверьте мне.

Мы провели у неё ещё несколько часов. Ужинали за этим же столом — бабушка достала из буфета тёмный хлеб, сыр с зеленью, и Роб наконец-то ел спокойно, не глядя на дверь. Смотрели фотографии — она показывала снимки, где мама ещё девочка, с косичками, смеётся. Про Игнис я пока не решилась спросить. Бабушка дала мне платя мамы и тёти — старое сукно пахло лавандой, и я прижала их к лицу, прежде чем убрать в сумку. Когда мы уходили, солнце уже садилось. Дом скрипнул нам вслед — протяжно, как прощаются. Мы шли с Робом назад по темнеющей дороге. Сегодня было легче, чем вчера. Но это не означает, что завтра будет лучше. Мы в тюрьме, и это очевидно. Но у меня появилась бабушка. И магия. И я надеюсь, мой Роб чувствует себя хоть чуть-чуть лучше, чем вчера. Большие всего меня беспокоит его состояние. Это я затащила его сюда.

Глава 7

— Вот посмотри сюда, Роб. Это Колесо года. У нас дома такое же. Здесь живут по этому календарю.

Я провела пальцем по выжженным рунам на деревянном круге. Бабушка дала нам его, чтобы я могла разобраться в праздниках. Роб подошел ближе, встал у меня за спиной.

— Через две недели Лита, — сказала я.

— Что это за праздник?

— Летнее солнцестояние. Самый длинный день и самая короткая ночь в году. Праздник огня, жизни и силы в её пике.

Я помолчала секунду, чувствуя его дыхание у своего виска.

— А еще это праздник страсти.

Я повернулась и поцеловала его. Не спеша. Он ответил сразу — губы тёплые, руки уже на моей талии.

— Если мы отсюда не выберемся, отпразднуем, — сказал он игриво и притянул меня к себе.

Я улыбнулась в его плечо. Остаток вечера я провела за книгами. Изучала систему божеств, которым здесь служат. Пыталась запомнить как можно больше заклинаний. Но информации в голове было столько, что я ничего не запоминала. Слова смешивались, латынь плыла перед глазами, имена богов рассыпались, едва я закрывала страницу. Роб вышел пройтись. Проветрить голову. Я знала, зачем он ушёл. Ему тяжело. Он не говорит, но я вижу, как его сводит с ума бессилие в этом мире. Каждое утро он просыпается и напоминает себе, что здесь он не может меня защитить. А может, и себя тоже. Мне самой всё это дается тяжело. С одной стороны, меня будоражит мысль, что во мне живет магия. Я до сих пор не верю в ту искру на своих ладонях. Смотрю на пальцы и жду, что она вспыхнет снова — просто потому, что я этого захочу. Пока не получается. Но тепло где-то внутри есть. Я его чувствую. И Азра. Я так рада, что обрела бабушку. Это слово всё ещё странно произносить. Но каждый раз, когда я его говорю, внутри становится теплее. С другой стороны — мы пленники. Этот факт сводит меня с ума. Я хочу вырваться. Хочу вернуться домой, к маме, к нормальной жизни, где нет магических барьеров и королей, которые решают за тебя. Но здесь появилось то, чего у меня никогда не было. Сила. Семья. Настоящая, с кровью и историей, которую я не знала, но которая течет во мне. Меня разрывает на части. Я захлопнула книгу, откинулась на спинку стула и уставилась в потолок. Каменные своды, никаких украшений. Наша клетка с нормальной мебелью. В дверь постучали.

Я встала, открыла. На пороге стояла служанка — женщина лет сорока. Простое темное платье, волосы стянуты в узел, лицо уставшее.

— Вам велели передать, что завтра на рассвете вас ожидает Эда на обучение в саду.

— На рассвете? — опешила я.

— Так просили передать.

Служанка развернулась и ушла быстрым шагом. Я смотрела ей вслед и в конце коридора увидела Роба. Он шёл и разговаривал с мужчиной — седым, коренастым, в тёмном плаще. Они о чём-то говорили, потом мужчина хлопнул Роба по плечу и свернул в другую часть коридора. Роб подошел ко мне.

— С кем ты познакомился?

— О, это Ной. Он комендант цитадели.

Он улыбался.

— Следит, кто во сколько возвращается домой? — я приподняла бровь.

— Не совсем. Он тут отвечает за оборону, осаду, припасы, караулы. В общем, важная шишка.

— Да у тебя тут связи.

Я засмеялась.

— Да так, разговорились внизу. Пообщались. Приятный человек.

— Я буду ложиться спать. Мои занятия начнутся завтра на рассвете.

Он удивился. Роб любитель поспать, я его будить не буду. Он ничего не сказал, просто кивнул. Я переоделась в ночную рубашку и забралась под одеяло. Роб ушел в душ. Я слышала, как хлопнула дверь в коридоре, потом стихли шаги. Я даже не заметила, как провалилась в сон.

Я с трудом проснулась. На улице ещё темно. Туман за окном — плотный, молочный, он лежит низко, почти касаясь земли. Голова немного болит. Я заставила себя сесть на кровати, потому что иначе провалюсь в сон и просплю всё. Роб спал на животе. Тихо. Дыхание ровное, глубокое. Я не стала его будить. Потянулась. Хрустнули позвонки. Встала, пошла в душ. В этот раз я нашла нужную душевую. Ту, которая для гостей. Но разочарование — никакой зелени. Голые каменные стены, холодный пол, зеркало в простой раме. Видимо, растения — привилегия принца. Я посмотрела на своё отражение. Заспанное лицо, опухшие веки. Так не пойдёт. Я вышла в коридор. Прошла несколько шагов и толкнула дверь в душевую Аллестора. Зелень внутри стояла на месте — большие горшки, лианы по стенам, влажный воздух с запахом сандала. Я решила, что ничего с ним не случится, если пропадёт пара горшков. Он явно этого даже не заметит. Попыталась взять самый большой. Тяжёлый. Горшок с высоким растением, листья тёмно-зелёные, блестящие. Я не смогла его поднять. Пришлось толкать по полу. Горшок скрипел по каменным плитам, звук разносился по коридору, но вокруг никого. Потом принесла ещё пару горшков поменьше. Вернулась в свою душевую, расставила их по углам. Вот теперь другое дело. Я встала под душ. Вода обожгла плечи, по спине побежали горячие струи. От такой физической активности тело быстро проснулось. Я даже ощутила прилив энергии. Головная боль прошла. Я собралась, оделась — льняные брюки, рубашка цвета хаки, босиком, как велела Моргауза. Накинула легкую кофту, потому что утром прохладно. Рассвет уже стоял на пороге.

Замок спал. Я увидела лишь нескольких стражников на стене — их силуэты двигались медленно, сонно. Ни звука. Только мои шаги по камню и где-то далеко капающая вода. Я спустилась вниз, вышла через боковую дверь в сад. Зелёный, идеальный газон. Деревья цветут — яблони, вишни, ветки склоняются к земле от тяжести розовых лепестков. Туман ещё лежит. Он стелется низко, окутывает стволы, превращает сад в другое пространство — без границ, без углов, только влажная тишина. Это выглядело прекрасно. Я остановилась посреди газона. Трава холодная, мокрая от росы. Я пошевелила пальцами ног, чувствуя каждую травинку. Сзади раздался женский голос:

— Доброе утро. Вижу, ты босиком. Это отлично.

Я повернулась. Передо мной стояла девушка. Копна каштановых кудрявых волос, падающих на плечи. Я думаю, ей не больше сорока. Глаза темные, глубокие. Губы тонкие, черты лица острые, скулы высокие. Одета просто — длинная юбка, свободная рубаха.

— Да, только холодно, — сказала я. — Зачем приходит в такую рань?

— Чтобы правильно прочувствовать момент.

Она улыбнулась краешком губ.

— Так ты у нас Никс. А меня зовут Эда.

Я кивнула.

— Сегодня мы с тобой будем знакомиться со стихией воздуха. Присядь на землю. Закрой глаза. Почувствуй эту тишину, эту природу, себя как часть этой природы.

Я опустилась на траву. Сложила ноги по-турецки. Закрyla глаза. Сначала ничего не получалось. Мысли настигали меня — одна за другой. Роб. Мама. Аркан. Завтрашняя тренировка. Что я здесь делаю. Образы крутились в голове, мешали сосредоточиться.

— Дыши, — сказала Эда. Голос ее звучал где-то справа. — Ты — это воздух. Ты — это земля под ногами.

Я выдохнула. Медленно. Попыталась отпустить. И тут я услышала звук. Он не был похож ни на что. Высокий, хрустальный — и в то же время глубокий. Обертоны наслаивались друг на друга, как волны света в северном сиянии. В нём слышалось пение. Без слов. Без мелодии, которую мог бы наиграть человек. Но полное щемящей, потусторонней гармонии. Казалось, сама пустота между небом и землёй натянулась струной и запела. Волоски на руках встали дыбом. Дыхание замерло — я боялась нарушить эту чистоту. Я распахнула глаза. Передо мной, на невысоком каменном алтаре, покоился инструмент. Длинная резная рама из темного дерева. А на ней — струны. Много струн, натянутых в ряд. Но в отличие от арфы, их не касалась человеческая рука. Инструмент стоял ликом к ветру. Подставленный невидимым потокам. Воздух протекал сквозь струны, целовал их, заставлял дрожать и петь этот неземной аккорд.

— Это Эолова арфа, — раздался тихий голос Эды за моей спиной. В нём не было ни назидания, ни снисхождения. Только спокойное знание. — Голос ветра, облеченный в форму. Ты слышишь не инструмент. Ты слышишь дыхание мира.

Она сделала шаг ближе. Ее присутствие ощущалось как тепло за спиной.

— А теперь закрой глаза снова, — сказала она. — Не смотри на дерево и струны. Забудь о них. Слушай не арфу. Слушай то, что звучит сквозь неё.

Я закрыла глаза.

— Вдохни. И позволь этой вибрации войти в тебя.

Я вдохнула. Холодный утренний воздух наполнил легкие.

— Выдохни. И отпусти себя в этот поток.

Я выдохнула.

— Почувствуй, как ты сама становишься полой, натянутой струной между небом и землёй. Ты — не тело, слушающее звук. Ты — сам этот звук. Растворись в нём. Лети.

Я перестала дышать. Я перестала быть. Остался только звук. И ветер. И холодный утренний туман, который теперь был мной. Я почувствовала, как в нос ударил запах липы и эвкалипта. Мелодия забирала меня с собой. Я не знаю, сколько прошло времени. Может, минута. Может, час. Но я ощутила себя воздухом. Или пушинкой в воздухе. Моё тело стало легким. В голове — как будто навели порядок. Она была ясной. Пустой. Свободной.

— Представь, как ветер, лёгкий, трогает твои пряди, — голос Эды звучал отовсюду. — Ласкает твоё лицо. Уносит тебя.

Я чувствовала. Настроение ветра сменилось. Сначала он был безмятежным — лишь изредка касался меня и струн. А сейчас стал тёплым. Ласковым. Арфа лила свой звон быстрее и плавнее, но от этого время ещё больше замедлилось.

— *Levis esto*, — прошептала Эда.

Мне показалось, что я парю. Я не чувствовала землю под собой.

— *Levis esto*, — повторила я шёпотом.

Ничего не произошло. Чувство левитации ушло. Земля снова стала твёрдой подо мной.

— Повторяй: *Ventus fla*, — прошептала ведьма.

— *Ventus fla*.

Поток воздуха ударил мне в лицо. Я резко открыла глаза. Передо мной — сад. Туман. Алтарь. Арфа.

— Это я или ты? — спросила я тихо. Голос звучал чужжо.

— Ты. Это ты.

Я чувствовала, как возвращаюсь в реальный мир. Мысли потихоньку стали собираться. Сначала — что я здесь. Потом — зачем. Потом — что нужно встать и идти. Мне стало очень холодно. Мурашки побежали по телу — от шеи до пяток. Эда протянула мне кусочек шоколада. Темный, с шершавой поверхностью.

— Съешь. Ты потратила все свои силы.

Я взяла. Шоколад растаял на языке — горький, с привкусом соли. Или это пот на моих губах? Туман почти отступил от сада. Солнце уже встало чуть выше, чем когда мы сюда пришли. У меня было много вопросов, но даже сил их задать не осталось. Эда убирала инструменты в сумку.

— С кем ты занималась в первый раз? — спросила она, не оборачиваясь.

— С Моргаузой.

— Отлично. Тогда сегодня я познакомлю тебя с Люцидой.

— Это ещё одна ваша богиня?

— Наша. Это и твоя богиня, Никс. Уважай своих богов. Это они подарили тебе этот дар.

Она повернулась ко мне. В её тёмных глазах горело спокойное, твердое тепло.

— Люцида — богиня нового начала. Утренняя звезда, способная вывести из мрака.

Я слушала, затаив дыхание.

— Ставь алтарь там, где солнце встает, — продолжала Эда. — Серый лён. Поверх — белая дорожка. Чёрная свеча слева. Прозрачная в центре. Золотая справа. Рутитовый кварц слева. Цитрин справа. Серый агат внизу, перед раковиной. Раковина в центре. Вербена, зверобой, белая крапива, ячмень в блюде.

Я пыталась запомнить. Свечи, камни, травы — всё смешалось в голове. Но я повторяла про себя, боясь упустить хоть слово.

— Налей красного вина. И положи горсть орехов.

Она выдержала паузу. Потом начала читать нараспев, глядя куда-то выше моей головы — туда, где солнце только что пробил туман:

— Люцида, кто разбивает ночь, как копытом белую лань, Твой свет — ещё не пламя, но уже не тьма. Открой врата между звездой и зрачком. Войди, как первый луч, в моё окно. Люцида, будь со мной в этом шаге.

Она замолчала. Протянула мне гримуар — ветхий, пахнувший временем. Страницы шелестели, когда я брала его в руки.

— А теперь произнеси эти слова.

Я посмотрела на разворот. Пальцы дрожали от холода или от волнения. Прочитала вслух, стараясь не сбиться:

— Мать первого шага по росе, Я не прошу съечь мою тьму — я прошу научить ее видеть. Дай мне столько света, чтобы различить дверь. Я не бегу к тебе, я поворачиваю лицо. Люцида, выведи меня за руку, как ребёнка, который боится рассвета.

Тишина. А потом поднялся ветерок. Лёгкий, тёплый. Не такой — тот был влажным и холодным. Этот пах сухой травой и медом. Воздух над алтарем стал плотнее. Я протянула ладонь — чувствовала сопротивление, как будто проходила сквозь теплую воду. Невидимая, но осязаемая граница. И тут я услышала жаворонка. Он засвиристал где-то высоко, над садом, над замком, над этим миром. Чисто, звонко, пронзительно. Богиня нас услышала.

— Богини всегда приходят? — спросила я. Голос сел.

— Нет, дорогая. — Эда улыбнулась — впервые за всё утро. — Они пришли познакомиться с тобой. Твоя магия так долго спала. Для нашего мира это редкость. Мы не покидаем свой дом. Богини приветствуют тебя дома и чтят, что ты примкнула к ним.

Я стояла босиком на мокрой траве, с гримуаром в руках, и смотрела, как солнце поднимается выше. Туман таял на глазах. И мне впервые за долгое время не было страшно.

— Ну что, продолжим? — спросила я с энтузиазмом.

Эда рассмеялась. Смех у неё оказался низким, тёплым, как будто она давно не слышала такого наивного вопроса.

— Ох, Никс. У тебя ещё будет много занятий.

Она собрала остатки трав с алтаря — быстрыми, привычными движениями. Ссытала их в холщовый мешочек, затащила инжурок.

— Понимаешь, ты из другого мира. Тебе нужно научиться жить в гармонии с природой. В её ритме.

Она взяла меня за руку. Её ладонь была сухой и горячей.

— Сейчас ты себе только навредишь. Я бы могла учить тебя с утра до вечера. Терзать, выжимать. Но всё закончилось бы лазаретом. Тебя отпаивали бы тавологой и корнем дягиля. А это ещё та гадость, поверь.

Я скривилась. Она говорила так убедительно, что я почти почувствовала вкус — горький, травянистый, с противным сладковатым послевкусием.

— Но я чувствую себя...

Я замолчала. Потому что врать не хотелось. Я чувствовала, что из меня выжали все соки. Ноги дрожали. В висках стучало. Но внутри горело странное, жадное желание — ещё. Ещё одно заклинание. Ещё один поток воздуха. Ещё один миг, когда я не просто стою на земле, а становлюсь ею.

— Я чувствую, что легко бы осилила еще пару часов занятий, — сказала я. Эда посмотрела на меня с той мягкой усмешкой, которая бывает у людей, знающих больше, чем говорят.

— Постепенно твои занятия будут увеличиваться по времени. Но не всё и сразу.

Мы дошли до внутреннего двора. Замок уже проснулся. Из кухни тянуло дымом и жареным хлебом. Две служанки тащили через двор корзину с бельём — простыни свесились через край, волочили по камню. Кузнечный гул всё так же ухал снизу, от земли, проходил сквозь подошвы. По дороге я попыталась расспросить Эду.

— Ты знала мою маму?

Она не ответила сразу. Шла, глядя прямо перед собой, перебирая в пальцах край мешочка.

— Магический мир не такой большой, как кажется, — сказала она наконец. — Многие знали многих.

— А Аркан? Какой он?

— Король правит справедливо. Народ его любит.

— Но не все? — уточнила я.

Эда остановилась. Посмотрела на меня — долго, внимательно.

— Ты задаешь вопросы, на которые у меня нет ответов, Никс. Или нет желания их давать.

Она улыбнулась — но не той тёплой улыбкой, что в саду. Я поняла: ведьма уходит от ответа. Может, не многие знают тайну моей семьи. А может, им запрещено говорить со мной на такие темы.

— Отдыхай, — сказала Эда. — Завтра снова на рассвете. Не опаздывай.

Она свернула в боковой проход и исчезла за каменной аркой. Я осталась стоять посреди двора. Солнце уже поднялось выше стен, тени стали короче. Я поднялась в комнату. Роб ещё спал. Разметался по кровати, одеяло сползло на пол. Лицо спокойное, беззащитное — таким я видела его только во сне. Не стала будить. Стянула кофту, повесила на спинку стула. Я прокручивала в голове нашу тренировку. Запах липы и эвкалипта. Эолова арфа, поющая на ветру. *Ventus fla* — и воздух бьет в лицо. Если бы мы не были пленниками, всё было бы очень даже здорово. Я забралась к Робу в кровать. Он что-то пробормотал во сне, обнял меня, даже не проснувшись. Я положила голову на его плечо. Уснула, как только голова коснулась подуш-

ки. Из сна меня выдернул стук в дверь. Я открыла глаза. Солнце светило во всю свою мощь. Кажется, я проспала часов пять, не меньше. Роб поднялся — лениво, тяжело. Я слышала, как его босые ступни шлёпают по каменному полу. Он подошёл к двери, щёлкнул замок. Вега сказала, что король желает видеть нас на обеде. Роб кивнул. Дверь закрылась.

— А как хорошо начинался день, — пробормотала я.

Роб повернулся ко мне, сел на край кровати. Взгляд сонный, волосы спутаны.

— Ты же не проспала свою тренировку?

— О нет. Сегодня меня учили стихии воздуха.

— И как это было?

Я рассказывала. Про Эду, которая ждала меня в саду. Про звук — высокий, хрустальный, от которого волосы встали дыбом. Про Эолову арфу. Про то, как ветер стал теплым, а потом я сказала *Ventus fla* — и поток воздуха ударил мне в лицо. Про богиню Люциду, про алтарь, про жаворонка. Роб слушал, задавал вопросы. Мы собрались и пошли в столовую. Как бы нам не хотелось там находиться. Когда мы вошли, Аркан сидел и разговаривал с Аластором. Они явно спорили. Посмотрели на нас — и замолчали. Мы с Робом поздоровались. Мрачно. Первую половину обеда Аркан толкал свои речи. О том, что он не деспот. О том, что защищает свое государство. О том, что принял нас как своих друзей. Бред. Мы отвечали ему односложно. Или совсем не отвечали. Его высокопарные речи раздражали меня. Думаю, Роба не меньше.

— Итак, Моргауза сказала, что ты не безнадежна. Как прошло сегодняшнее занятие?

— Не знаю, — сказала я. — Мне кажется, меня жалеют.

Я не знала, что сказать. Легкий ветерок я смогла вызвать, но для Аркана это явно ничего не значит.

— Жалеют, значит, — сказал Аркан и посмотрел на сына.

— Ближе к вечеру придём в тренировочный зал, — сказал Аластор. — Я буду с тобой заниматься.

У меня внутри всё сжалось.

— Я пойду с тобой, — тихо сказал Роб.

— Нет, — Аластор даже не повернулся к нему. — Она не сможет сосредоточиться, когда рядом кто-то будет. Ты будешь ей только мешать.

— Тем более для тебя, Роберт, тоже нашлась работёнка.

Я видела, как заходили желваки на лице Роба. Он посмотрел на Аркана серьёзно.

— Не напрягайся ты так, — продолжил Аркан. — Дело важное. Я бы сказал, государственное.

— Какое дело? — холодно спросил Роб.

А мне это уже не нравилось. Даже больше, чем тренировка с Аластором.

— Меня заинтересовало твоё образование. Я правильно понял, ты дипломат?

— Я не работал по специальности. Я закончил университет, проходил практику.

— Это неважно. Я не могу отрицать, что на большой земле образование куда более сильное. Времена идут, и мы должны идти в ногу со временем, если хотим сохранить свои позиции. Я прошу тебя заняться этим вопросом. Изучить наши учебные материалы, пообщаться с преподавателями. «Прошу заняться»? Нет. Этот человек никого не просит. Это ловушка.

— Что вы придумали?

Слова вырвались у меня быстрее, чем я успела подумать. Я почувствовала на себе ледяной взгляд Аластора. Перевела взгляд на Аркана — он смотрел на меня, и я не могла разгадать ни одной эмоции на его лице. Роб сжал мою руку крепко.

— Девочка, — Аркан произнес это медленно. — Я не стремлюсь тебе понравиться. Мне плевать, кем ты меня видишь. Но мой народ тебе скажет за меня. Мой народ идёт за мной, и

я стою за него. И если мне нужна помощь, если это выгодно для моего государства, я попрошу эту помощь. Но если надо — я могу её и взять.

— Я помогу вам, — сказал Роб.

— Не нравится мне всё это, — сказала я, когда мы вышли из столовой.

Коридор был пустым. Солнце светило из высоких окон.

— Мне не нравится, что он будет тренировать тебя без меня.

Роб говорил ровно, но я услышала напряжение. По спине пробежал холодок. Я не знала, чего ожидать от Аластора. Его непредсказуемость напрягала.

— На счёт этого не переживай, — тем не менее ответила я — Вспомни, как Аркан говорил про эфир. Им явно нужно, чтобы я оставалась невредимой и в здравом рассудке.

— Я понимаю. Понимаю. Но всё моё нутро ревёт: «не подпускай его».

Я засмеялась, чмокнула Роба в плечо. Но внутри чувствовала то же самое. Мы опять вернулись в комнату, а вскоре Роб ушёл на встречу с местным преподавателем. Сначала я хотела повидать бабушку, но передумала. Мне нужно было сосредоточиться на книгах, на знаниях. Я села на пол и открыла гримуар. Кожаный переплёт был тёплым. Я перевернула первую страницу начала читать и меня потянуло внутрь. Не резко. Не рывком. Как будто кто-то взял меня за руку и повёл. Я перестала чувствовать спиной стену. Перестала слышать, как где-то далеко хлопают двери. Осталась только книга. И странное, тянущее ощущение в груди — будто я падаю, но не вниз, а вглубь себя. Страницы шелестели. Слова не просто читались — они звучали у меня в голове голосами, которых я никогда не слышала. Женскими. Старыми. Спокойными.

«Энергия не рождается в тебе. Ты — проводник. Когда творишь заклинание, не трать свою жизненную силу бездумно — иначе опустошишь себя. Вместо этого откройся и позволь стихии течь сквозь тебя. Как дерево пьёт воду корнями, а не своей сердцевиной — так и ты бери силу из мира. Великая Мать даёт её свободно. Твоя задача — не навредить себе жадностью».

Я не знаю, как это объяснить, но знания оставались в моей голове. Я запоминала каждую строку. Слова ложились в память, как будто всегда там были. *Venti, maria, fulgura — in unum convenite. Tempestatem voco, tempestatem fero.* Ветры, моря, молнии — воедино соберитесь. Бурю зову, бурю несю. *Maiores, sanguis ad sanguinem, elementa ad elementa. Per aethera vos voco. Per me, filia vestra, agite.* Предки, кровь к крови, стихии к стихиям. Через эфир вас зову. Через меня, дочь вашу, действуйте. Каждое заклинание оставалось жить во мне. Оно откликалось где-то внутри — под ребрами, у основания горла, в кончиках пальцев. Дальше был текст про гнев. Я перечитала его трижды:

«Найди в себе гнев. Не сильный — малый уголёк раздражения, он есть всегда. Помести его в солнечное сплетение. Теперь дыши — не грудью, а животом. Каждый выдох раздувает уголек. Ты почувствуешь жар, поднимающийся к горлу. Это не больно, это как глоток горячего чая на морозе. Когда жар дойдет до правого плеча — он готов. Направь его в ладонь и не держи дольше трёх ударов сердца, иначе обожжешь руку». *Ignis in praecordiis, in manum veni. Arde et consume.* Огонь в груди, в руку приди. Гори и сожги.

Я произносила заклинания подняла руку. Ладонь была пустой. Кончики пальцев покалывало. Ничего не произошло. Я выдохнула. Комната вернулась — стены, стол, кровать с балдахином. Я закрыла гримуар, погладила обложку. Знания остались внутри. Но магия — нет. В следующий раз уйду в сад. Возможно, мне нужна земля под ногами. Воздух. Ветра, которые помогут этим словам вылететь наружу.

Я пыталась медитировать, пару раз у меня действительно получалось полностью отключить голову и поймать этот полный покой, заземлиться, но все равно мысли пробивали это состояние и возвращали меня назад в комнату. Нужно дать себе время, я слишком много от себя требую, я только в начале пути.

Роб ещё не вернулся, когда я пошла в лапы к демону. За окном зарядил дождь — тот самый, под который хочется закутаться в плед, включить сериал и никуда не идти. Но выбора мне не оставили. У двери тренировочного зала я остановилась. Сглотнула. Набрала воздух в лёгкие и вошла.

Зал был просторный, с высоким потолком и огромным окном в пол. За окном хлестал ливень, и серая вода стекала по стеклу сплошной пеленой, размывая очертания деревьев. Вдоль стен — стойки с мечами, луки, манекены для отработки ударов. Пол — тёмное дерево, кое-где вытертое до блеска от многих шагов. В углу стояло высокое зеркало в резной раме. Пахло деревом, старой кожей и чем-то ещё — металлическим, как после грозы.

Я подошла к окну и стала смотреть на дождь, собираясь с мыслями. За спиной тишина. А потом дверь распахнулась — резко, громко. Я не обернулась. Шаги — неспешные, плавные, каждый звук размеренный, как удары сердца хищника перед броском. Он приближался, и воздух в зале стал плотнее, тяжелее. Я заставила себя стоять на месте. Он остановился в нескольких шагах от меня.

— Почему именно ты будешь меня обучать? — спросила я, не поворачиваясь.

— Боишься?

— Нет, — я развернулась и встретила его взгляд. — А надо?

Он оказался возле меня в одно мгновение. Я не заметила, как он это сделал — просто воздух сдвинулся, и вот он уже наклонился к самому уху. Я почувствовала тепло его дыхания раньше, чем услышала слово:

— Надо.

Меня будто пробило током. Веки дрогнули. В горле пересохло. Я дёрнулась — и тут же замерла, запретив себе отступить.

— Ты пришёл обучать меня — так начинай, — презрения в моём голосе хватило бы на двоих. Он услышал. И улыбнулся краем губ — едва заметно, но я заметила. Мы оба заметили.

Он начал говорить — коротко, сухо, без единого лишнего слова. Откуда брать силу. Как пропускать её через тело.

- Первый источник — земля под ногами. Второй — воздух вокруг. Третий — собственная ярость, холодная, не слепая. Я слушала, скрестив руки на груди, это похоже на то что написано в моей гримуаре

— *Ignis in praecordiis, in manum veni. Arde et consume,* — произнесла заклинание я

Я повторила. Ничего не произошло. Ладони остались пустыми.

— Подойди сюда.

Он подвел меня к большому зеркалу в углу зала. Я встала напротив и увидела нас обоих в отражении: я — впереди, плечи подняты, пальцы сжаты в кулаки, и он — сзади, выше меня на голову, широкий, темный. Он шагнул ближе.

— Отойди! — зарычала я.

— Думаешь, мне нравится возиться с тобой? — его голос был низким, ледяным. Он не отступил ни на шаг. — Встань к зеркалу и делай, что я говорю, если хочешь, чтобы твоя магия проснулась.

Я встала. Не потому, что он сказал, а потому что я действительно хочу. Я смотрела на него в отражении гневным взглядом, а он смотрел на меня сверху вниз — спокойно, изучающе.

— Закрывай глаза.

Я закрыла. И сразу услышала, как он встал сзади. Близко. Запах сандала коснулся меня — сухой, тёплый, он не проникал, а просто был рядом, окутывал. Хотелось отойти, вырваться, убежать. Я не могу ему доверять. Я не могу даже стоять с ним рядом и не дрожать.

— А теперь, — его голос стал тихим, плавным, прямо над ухом, — расслабься. Я не сделаю ничего плохого. Обещаю.

— Я не могу.

— Надо. Дыши. Глубоко, медленно.

Я пыталась. Правда пыталась. Но его близость выбивала воздух из лёгких. По телу прошла дрожь — я не контролировала её.

— Дыши. Почувствуй пол под ногами. Твёрдый. Ровный. Он держит тебя. А теперь своё дыхание. Как воздух входит — прохладный. Как выходит — тёплый. Ничего не меняй. Просто заметь. Слушай звук дождя.

Дождь бил в стекло. Где-то далеко гремел гром.

— Аластор, я не могу, — я открыла глаза и сделала шаг вперед, разрывая расстояние между нами. Обернулась. Он смотрел на меня, и я не могла прочесть его лицо. Плечи напряжены. Скулы острые. Взгляд, от которого хотелось прикрываться.

— Если ты будешь слушать меня, у тебя получится пробудить магию. Ты не хочешь этого?

Я смотрела в его глаза и не могла отвести взгляд. Не понимаю, что за чувство он вызывает во мне. Может, я жду от него прямого нападения, и этот страх блокирует всё внутри.

— Я хочу, — говорю я. — Хочу, но не с тобой.

Он засмеялся. Это был смех победителя — короткий, низкий. Обнажил зубы, склонил голову набок и изучал меня, а я не знала, куда деться от этого взгляда.

— Я даю тебе слово, что не сделаю ничего плохого. Только помогу разбудить магию. Вставай. Не испытывай моё терпение.

Я выдохнула. Закрывает глаза. Вспомнила сад — то состояние тишины и покоя, которое мне удалось там почувствовать. Помогала себе дыханием. Он опять приблизился, и на этот раз я не стала сопротивляться.

— Дыши в такт со мной.

Я слушала его дыхание. Медленное, ровное. Слушала дождь. Слушала свое тело. И через какое-то время внутри что-то отпустило. Плечи опустились. Дыхание выровнялось. Тишина стала не страшной, а спокойной.

— Представь, как здесь собирается энергия.

Он приложил ладонь к моему животу. Теплую, тяжелую. По телу побежали мурашки. Дыхание участилось. Под его ладонью разлился жар — обжигающий, глубокий. Мне хотелось откинуть голову назад, но я удержалась.

— Расслабься. Под моей ладонью, внутри тебя, разрастается энергия. Она твоя. Прими её, — его шепот обжигал ухо. — Произнеси заклинание.

Я чувствовала, как внутри что-то ширится, пульсирует.

— *Ventus in manu globus surge.*

— Ещё, — шепчет он. — Ещё, Никс.

— *Ventus in manu globus surge.*

И я почувствовала холодок на ладонях. Медленно открыла глаза: над моими руками парил маленький, почти прозрачный шар. Как мыльный пузырь, только плотнее, тяжелее. Он дрожал и переливался в тусклом свете. Аластор положил свои ладони под мои и начал разводить их в стороны. Шар вырос. Его дыхание врезалось мне в шею — горячее, частое. Шар исчез, я сбилась, потеряла концентрацию. Я выдохнула и буквально отскочила от него. Дыхание сбито. В горле ком. Я ловила воздух ртом, чувствуя, как дрожат колени. Я видела, как он сжал и разжал кулаки.

— Придешь сюда в это же время через три дня, — и ушел быстрым шагом. Дверь захлопнулась.

Я стояла перед зеркалом одна. Смотрела на своё отражение. Раскрасневшиеся щёки. Сбитое дыхание. Магия, о которой я так мечтала, не принесла ожидаемого восторга. Вместо триумфа я чувствовала лишь удушающее замешательство. Внутри всё ныло, будто меня заставили участвовать в чем-то постыдном. Ладонь Аластора на моем животе, его дыхание у самого уха — эти ощущения запечатлелись на коже слишком отчетливо. Мне казалось, что его запах пропитал мои волосы и одежду, вытесняя все остальное. Это было неправильно. Его помощь была похожа на вторжение, а моя магия, откликнувшаяся на его голос, казалась теперь чем-то чужим и грязным.

Я шла по коридору, стараясь не бежать, но сердце колотилось в горле. Нужно было взять себя в руки, стереть это выражение затравленного зверя с лица. Роб не должен ничего понять. Он и так пожертвовал многим, и сейчас, в этом чужом месте, его энтузиазм был единственным светлым пятном. Я не могла вывалить на него свою темноту и липкий страх, который сама не до конца понимала.

Когда я толкнула дверь, Роб уже был в комнате. Он выглядел воодушевленным, разложив какие-то бумаги. Я заставила свои губы растянуться в улыбке, хотя кожа на лице казалась застывшей маской.

— Ну что, дипломат, как прошел твой день? — мой голос прозвучал почти естественно, только горло слегка саднило.

— Как бы это странно ни звучало, но я не увидел подвоха, — отозвался Роб, и в его глазе блеснул живой интерес. — Профессор Шеридан, а для меня просто Эйдан, — он коротко рассмеялся, — показал мне метрики, учебный план, трактаты и даже протоколы посольств. Конечно, всё это разом мы не просмотрели, но кое на что я обратил внимание. Завтра с утра меня пригласили продолжить работу, было довольно-таки увлекательно.

— Супер, может, удастся раскрыть их дворцовые тайны, — я заставила себя усмехнуться и в шутовском жесте толкнула его плечом, надеясь, что он не заметит, как дрожат мои пальцы. — Сбегаю-ка я в душ

- Как прошла твоя тренировка? - Роб смотрел мне в глаза

- В моих руках появился крошечный почти прозрачный шар- улыбаясь говорила я, но чувствовала горечь во рту

- Он не обидел тебя?

- Нет-затрясла я головой- все было достаточно сухо и по делу

Я юркнула в душевую, включила воду, выкрутив кран почти до предела. Ждала, пока тяжёлые струи не превратятся в обжигающий кипяток, от которого по зеркалу пополз густой белый пар.

Сначала кожа отозвалась резкой, почти болезненной вспышкой, но я не отодвинулась. Наоборот, подставила лицо, плечи, живот. Хотелось, чтобы вода не просто омыла, а буквально сняла верхний слой кожи, как ненужную чешую. Закрыв глаза, я пыталась сосредоточиться только на шуме воды, который забивал все мысли. Стук капель, пар, наполняющий легкие, и эта очищающая, честная боль от жара. Я представляла, как всё произошедшее в зале — ледяной страх, странная пульсация магии, дрожь в коленях — стекает с меня темными ручьями и уходит в слив, исчезая навсегда.

Я стояла так долго, пока пальцы не сморщились, а голова не закружилась от духоты. Внутри стало пусто и тихо. Наконец-то я снова принадлежала только себе.

Глава 8 POV Аластор

Я проснулся, когда за окном ещё серел туман. Ледяная вода в душе окончательно разбудила меня. Потом оделся и спустился на первый этаж. На кухне уже кипела работа. Пахло свежим тестом, розмарином, сырой рыбой.

— Подать вам завтрак? — спросила служанка.

Я отрицательно кивнул. Взял с плиты турку. Перемолол зерна. Залил водой. Поставил на огонь. Когда кофе вскипел, налил в кружку и вышел в столовую. Там было пусто. Прошёл к окну. Серый свет просачивался в пустой зал. Поднес кружку к губам и посмотрел в сад. Она стояла у каменного алтаря. Осборн. Босиком, волосы собраны, только несколько прядей выбились и падали на лицо. Рядом возилась Эда — что-то объясняла, показывала руками. Я смотрел, как она подняла руки, закрыла глаза. И в лицо ей ударил ветер. Жалкое зрелище. Она не чувствует моего взгляда. И не узнает, пока я сам не позволю. Отец думает, что я подчинюсь. Что буду терпеливо ждать, пока она научится владеть своим даром, и тогда отправим её на войну с эльфами. Он обрубил мне все канаты. Что ж. Всегда есть план Б и он действует и безотказно.

Я допил кофе, поставил кружку на подоконнике и вышел через чёрный ход — через конюшни, мимо псарни, к восточной стене. Бриг ждал у восточных ворот. Прислонился к каменной арке, лук перекинут через плечо. Увидел меня — даже бровью не повёл. Бриг вообще редко тратит мимику без необходимости. Экономия — признак профессионала.

— Ты рано, — сказал я.

— Это ты опоздал.

Я не ответил. Мои опоздания его не раздражали — он просто обозначал факт. Я обозначал свой: мне неинтересно обсуждать расписание. Пошли к поляне. Молча. С Бригом удобно — он не заполняет тишину бессмысленными словами. За десять лет я так и не узнал, о чём он думает, когда молчит. Но стреляет он лучше всех, кого я знаю. А я знаю многих.

Поляна у леса. Мишени — старые, иссечённые, с чёрными пятнами в центре. Следы вчерашних попаданий ещё свежие — я помнил, куда ложилась каждая стрела. Левая мишень: три в центр, одна с уводом вверх. Средняя: все пять. Правая: две в центр, три вразброс — работал над скоростной стрельбой. Бриг снял лук, провёл пальцем по тетиве. Проверяет. Всегда проверяет. Я достал стрелу. Наконечник тусклый, масляный, с зеленоватым отливом. Состав масляной пленки незнакомый.

— Чем пропитал? — спросил я.

— Сонная охота. — Бриг не поднял глаз. — Чёрная чемерица, сок болиголова, пыль эльфийской стали. Попадаешь в цель — враг не кричит. Не дёргается. Сначала немеют пальцы. Потом язык. Потом он просто ложится и смотрит в небо, пока дыхание не остановится. Я мысленно разложил состав. Чемерица парализует мышцы. Болиголов глушит дыхательный центр. Пыль стали, скорее всего, служит проводником — магия любит металл. Смесь не для боя. Для тихой ликвидации.

— Чисто.

— Чисто, — согласился он. — И тихо.

Я натянул тетиву. Сместил фокус — не глазами, глубже. Магия отозвалась сразу, как всегда. Холодок в висках, лёгкое давление в переносице. Мир выцвел. Тишина сгустилась. Ветер стал видимым — струился серыми лентами. Мишень надвинулась, приблизилась, будто я смотрел на неё через оптический прицел. Всё, что не цель — исчезло. Выдох. Стрела вошла в центр. Бриг не похвалил. Я не ждал. Он кивнул — коротко, без эмоций. Принял результат. Констатировал. Такой feedback полезнее аплодисментов.

— Хорошо. Ещё.

Я достал следующую. Центр. Ещё. Центр. Бриг ходил между мишенями, выдергивал стрелы, осматривал наконечники. Искал микротрещины, погнутости, следы износа. Я следил за его маршрутом боковым зрением. Он всегда начинает с левой мишени. Ни разу не изменил порядок. Люди — рабы привычек. Даже лучшие.

— Ты слишком жмёшь на локоть, — сказал он на пятой стреле.

— Не жму.

— Жмёшь. Вижу. Убери.

Я не стал спорить. Бриг видит то, чего не вижу я — в этом смысл учителя. Я убрал давление с локтя. Стрела ушла левее. Мышцы не сразу приняли новую траекторию.

— Лучшие. Но не идеально.

Я сделал поправку. Еще выстрел. Центр. Тело запомнило. Ещё. Центр. Пока не закрепилось. Бриг подошел, постучал костяшками по плечу. Тяжёлая рука. Указательный палец в мозолях — характерный след лучника. У меня такие же.

— Расслабься. Ты не с эльфом дерешься. Мишенью никуда не убежит.

Я не ответил. Он был прав в главном — мишень не противник. Но и неправ в интонации. Я не напряжен. Я сосредоточен. Разницу между этими состояниями Бриг понимает, но формулирует грубо. Имеет право. За десять лет заслужил. Бриг посмотрел на небо — оценил свет.

— На сегодня хватит.

— Еще пять.

— Твоё дело. — Он отошел к дереву, достал флягу. — Я подожду.

Пять выстрелов. Все в центр. Новое положение локтя закрепилось. Можно заканчивать. Я убрал лук. Бриг хмыкнул. Я знаю этот хмык — он означает «вижу, что перестроился, но вслух не скажу». Устраивает. Мне не нужны слова. Мне нужны работающие навыки.

Я только закончил с Бригом, когда небо полыхнуло. Вспышка была такой силы, что на секунду пришлось прищуриться. Молния ударила где-то далеко — за лесом, за горами, на территории эльфов. Обычная форма, но яркость и цвет выдавали магическое происхождение. Фиолетовый отлив — такого у природных молний не бывает. Бриг опустил лук.

— Это ненормально.

— Вижу.

Кто-то на той стороне применил стихийную магию этого мира. С такой мощью, что вспышку видно отсюда. У эльфов другой дар. Значит, это не они. Я отдал лук Бригу и пошёл к замку.

-Аластор, — окликнула меня Эда.

Она шла из сада. Рядом плелась Осборн — бледная, губы сжаты, взгляд расфокусирован. Казалось, её вот-вот стошнит. Эда выжала из неё всё. И правильно. Поблажки здесь никому не идут на пользу.

— Ты видел вспышку в небе? — Эда говорила тихо, но быстрее обычного. Взволнована. Это редкость для нее

— Да. Видел.

Я перевёл взгляд на Осборн, потом обратно на Эду. Говорил ровно, без спешки.

— А вы ничего не видели.

Я посмотрел каждой в глаза — сначала Эде, потом блондинке. Не угрожал. Просто дал понять: это не просьба. Эда прочла правильно. Кивнула, взяла Осборн за руку и увела в замок.

Я остался один. И позволил себе ровно три секунды — прокрутить варианты. Вспышка такого масштаба в небе — это не случайность. Это демонстрация. Или пробой. Или то и другое. В любом случае, тот, кто это сделал, не прячется. А тот, кто не прячется, либо глуп, либо очень уверен в своих силах. Глупцы долго не живут. Значит — второе. Нужно действо-

вать быстро. Скотт отправит людей. Мы выясним, что это было, раньше, чем по городу поползут слухи. Паника — тоже оружие, и я не собираюсь давать его в руки тому, кто запустил эту вспыхку. Я зашёл в кабинет к отцу. Он и Ной стояли у карты — той самой, старой, с отметками границ и эльфийских поселений. Разговор шёл тихо, но я понял тему ещё с порога.

— Вы это видели? — спросил я.

— Да, я как раз был на стене, — ответил Ной.

— Ты видел? — отец повернулся ко мне.

Я изложил: где именно находился, что увидел, под каким углом. Детали имеют значение. Без них разговор бесполезен. Отец вызвал Скотта. Наш военачальник вошел быстро — он всегда был лёгок на подъём, за это я его и ценил. Сухощавый, жилистый, с лицом человека, который недосыпает последние лет пятнадцать.

— Что ты можешь сказать по этому поводу? — отец не тратил время на предисловия.

Скотт помедлил. Он всегда думает, прежде чем открыть рот, — ещё одна причина, по которой он до сих пор на своём месте.

— Наши шпионы периодически появляются там. Мы не заходим далеко, но в их поселениях всегда было тихо. Последняя вылазка — около года назад. — Пауза. — Я думаю, нужно действовать радикально. Проникнуть во дворец Синайя и раздобыть все возможные данные.

Я слушал его и считал. Год. Двенадцать месяцев. Триста шестьдесят пять дней, за которые враг мог подготовить что угодно. Создать оружие. Переместить войска. Внедриться. А мы «не пересекали границ».

— Год? — я не повысил голоса. Но тишина после этого слова стала тяжелее. — Вы на год упустили врага из вида?

Скотт не отвел взгляда. За это я его тоже ценил.

— Аластор, они не нападали после того, как умер король и на трон сел Эйган. Их долбаная эльфийская пыль находит нашу магию моментально. От моих солдат тянутся дорожки. И пока они не угрожали, мы не пересекали границ.

Я замолчал. Не потому что принял ответ. А потому что осмысливал. Скотт был прав в одном: эльфийская пыль — не метафора, а реальная проблема. Наши разведчики светятся в ней, как факелы в ночи. Каждый лишний шаг за границу — риск. Но год — это не осторожность. Это слепота. Отец молчал. Смотрел на карту. Я знал этот взгляд — он просчитывал. Скоро он заговорит, и это будет решение.

— В разведку пойдет лучший, кого ты предложишь, Скотт. — спросил отец

— Риз. — Скотт ответил быстро. — Ведьмак, воздух и огонь. На него можно положиться. Солдаты будут на границе к вечеру.

Отец кивнул. Следующие часы мы перебирали карты, слушали тех, кто видел эльфийские земли не по наслышке. Каждая мелочь имела значение. Я запоминал.

— Я хочу пойти, — сказал я, не отрывая взгляда от карты.

— Нет, — отец отрезал. — Ты наследник. Думай наперед.

— Риз подчинит воздух, скроется сам. Укрывать двоих — лишняя трата сил, — добавил Скотт.

Я промолчал. Они правы. Я знаю это, но быть тут и строить теории о том, что нас может ожидать напрягает. Я не хочу новой войны. Отец — тоже. В этом мы с ним заодно. К обеду отряды выступили к границе. Нам оставалось ждать. Три дня уже прошло. Советы, карты, теории. Я дважды ездил к границе — затишье. В малом зале совета было душно. Свет из узкого окна падал на карту, расчерченную границами, которые никто не решился пересечь.

— Может, попробуем вызвать его через сон? — спросил я, но уже знал ответ на свой вопрос.

— Нет. Это раскроет нас. Оракул сказала, что он вернется, — сказал отец.

Он стоял у окна, спиной ко мне. Не обернулся. Голос ровный, но я слышал — он тоже ждёт. И не любит этого. Большие никаких всплесков магии не было с той стороны. На границе спокойно — и это напрягало. Тишина бывает громче взрывов. Мы поддерживали связь с соседним государством чародеев, но они ничего не слышали о той ситуации. Ничего. Как будто ничего и не было. Ситуацию осложнял тот факт, что оракул не видел, что творится на их земле. Их энергия отличалась от нашей — своего рода барьер между нами. Природа нашей магии абсолютно разная, и у нас не было способа прощупать почву, не заходя на их границы.

— Чем планируешь заняться? — спросил у меня отец.

— Проведу ещё одну тренировку с Осборн.

— Не загоняй её. Линда сегодня выжала из неё все соки. Земля — тяжёлая стихия. Плюс ты вчера уже с ней занимался.

Я улыбнулся. Не широко. Так — уголком рта, коротко. Да, вчера ей досталось. Достанется и сегодня. Ничего не могу с собой поделаться.

— Возможно, она пригодится нам. Как считаешь, Азра еще способна управлять эфиром?

— Способна. И если ты этого не видишь, то ты ещё слаб. Не забывай про свои слабости на тренировках с Осборн.

Я оскалился. Челюсть сжалась так, что хрустнуло в ушах. Слова отца вошли под кожу — туда, где закипает. Я развернулся и вышел из зала. Я поднялся к себе и продолжил читать фолиант об эльфах — их магии, их природе. Книга старая, писана ещё до барьера. Многие устарело. Но некоторые мысли я подчеркнул. Ответов на свои вопросы я не находил, но чтение разгружало голову. Вскоре позвал служанку.

— Передай Осборн: через час тренировка.

Она вышла. Вернулась через десять минут.

— Принц Аластор. Госпожа Осборн не придёт. Сказала, плохо себя чувствует. Я встал резко, и стул за моей спиной опрокинулся. Я даже не заметил, когда толкнул его.

Вылетел в коридор и захлопнул дверь так, что масляная лампа на стене вздрогнула, а фитиль мигнул. Я уже приготовился вытаскивать её на занятие — схватить за шкирку, поставить перед собой и заставить работать. Но это было до того, как я толкнул дверь её комнаты. Пусто. Кровать застелена. Рюкзак на месте. Даже запах её духов еще висел в воздухе — цветочный, легкий, абсолютно чужой. Если ты так устала — где ты ходишь? Я прошёл по коридору. На первом этаже перехватил служанку.

— Эрн, ты видела Осборн?

— Да, минут десять назад прошла в сторону омывальни.

Отлично. Наша принцесса решила расслабиться. Я зашел в омывальню и с порога вдохнул кедр с лавандой — густо, тяжело, пар осел на лице жирной плёнкой. Воздух здесь обволакивал и застревал в горле. Она сидела на полке с закрытыми глазами. Тело укутано в льняное полотенце, мокрые волосы лежали на плечах, оставляя тёмные полосы на бледной ткани. Плечи опущены, лицо разглажено — она не слышала, как я вошёл. Давно я не заходил сюда. Жар расслаблял, и это было некстати. То, что я сейчас сделаю — низко. Но она первая начала. Я вышел в предбанник, скинул одежду, обернулся в полотенце и зашел в парную.

— Значит, тренироваться у тебя времени нет?

Она вздрогнула — дернулась, как от разряда. Открыла глаза. Сначала страх, потом узнавание, потом ярость.

— Что ты здесь делаешь?

— У меня к тебе тот же вопрос. — Я сел рядом, вытянул ноги и облокотился на нагретый камень. — Я сказал: сегодня тренировка. В какой момент ты решила, что можешь идти против меня?

— Я в этом не участвую.

Она стала подниматься. Я взял её за руку и дёрнул назад.

— Ещё раз притронешься ко мне...

Я притянул её к себе — так, что её лицо оказалось прямо у моего. Её дыхание было горячим и частым.

— Ты в моём доме. В моей власти. Если будешь так со мной разговаривать...

— То что?

Я задержал дыхание.

— Нет, я не трону тебя. Я помню, что обещал отцу. Но про твоего парня таких разговоров мы не вели.

Она открыла рот, потом закрыла и отодвинулась.

— Ещё раз посмеешь мне угрожать — и я выучу все эти долбаные заклинания. И убью тебя. Клянусь.

Я засмеялся. Встал, подошёл к ней и наклонился к самому уху. От ее мокрых волос пахло лавандой.

— Пока ты учишь свои заклинания, я могу действовать.

По её телу побежали мурашки. Я видел эту дорожку от плеча до края полотенца.

— Тебе так страшно или заводит эта ситуация?

Она толкнула меня в грудь. Я не качнулся.

Я взял её за подбородок и притянул назад, к себе. Шепотом, в самое ухо:

— Теперь будешь представлять меня с ним?

Пощёчина прилетела хлестко, наотмашь. Щеку обожгло. Я даже голову не повернул. Просто принял. Она оттолкнула меня — в этот раз я позволил. Встала. Полотенце съехало на полсантиметра, она поправила его резким движением.

— Ты жалкий. Мерзкий. Ни одна женищина не представит себя с тобой. И не смей даже произносить имя Роба. Ты не дорастешь до такого, как он никогда!

Она выплюнула в меня эти слова и ушла. Что ж, не была бы она Осборн я бы ее даже зауважал, даже не верится что она дочь Хелы.Проклятье...

Глава 9 РОУ Никс

Мерзкий, наглый ублюдок. Если он еще раз посмеет коснуться меня — я сама о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.